

25-го октября 1929 г.

П Р А Г А

год издания 2-ой

46

25-го жовтня 1929 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

М. Батинський

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. *Любовь Самсонова*: Побасенка.
  2. *Людмила Костина*: Степная быль.
  3. *Алексей Персидсков*: * * * Стихи.
  4. *Ф. Полковников*: * * * Стихи.
  5. *Н. Нечуй-Левицкий*: Тернии изгнания.
  6. *Дм. Троян*: ... Шлях правди.
  7. *Гнат Макуха*: До удови-ковачки.
-
8. Еще о „Перуанском“ вопросе.
  9. *Ис. Быкадоров*: Казачья и русская точки зрения.
  10. Инж. *В. Бейсуг*: О фашизме.
  11. *В. Карый*: Пора и нам прозреть.
  12. *Вл. Куртин*: „Шаг на месте“.
  13. *М. Самсонов*: Очерк по истории физического развития и воспитания.
  14. *В. Карпушкин*: Странички прошлого.
  15. Думы и мысли.
  16. Международная жизнь.
  17. Казачья эмиграция.
  18. В Казачьих Землях.
-

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Редакция „В. К.“ сердечно благодарит всех Вольных Казаков, поздравивших ее со Всеказачьим праздником.

Франция. — И. С. Б. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Франция. — С. М. — Получено. Привет.

Орловат. — Г. А. — Получено. Будет помещено в следующем номере. Привет.

Варшава. — Б. — Все, що можна, буде зроблено.

Франция. — И. С. — Спасибо за письма.

Германия. — Т. — Просьба исполнена. Привет.

София. — Т. Л. — Будет послано больше. Привет.

Югославия. — А. З. — Получено. Привет.

Югославия. — А. Г. — Получено. Ответ будет особо. Привет.

Югославия. — М. З. — Ответ будет. Привет.

Польша. — Е. К. — Получено. Привет.

Београд. — Н. Б. — Получено. Привет.

Польша. — А. С. — Присланный Вами материал будет использован. Присылайте еще. Привет.

Београд — студенту — Присылайте, посмотрим.

Подкарпатская Русь. — М. А. — Формирование следующих партий Кубанским Атаманом пока приостановлено. По возобновлении — сообщим.

Югославия. — Донцу — Мы никаких анонимных (не подписанных) писем в журнале „В. К.“ не помещаем.

Польша. — А. А. — Журнал посылаем сейчас бесплатно. Но думаем, что Ваша служба позволит Вам легко найти 15 злотых за год, чтобы заплатить за „В. К.“ Тот, кто хочет читать казачий журнал, должен и помогать его издавать.

Франция. — В. В. — „Календарь Вольного Казачества на 1930 год“ выйдет в начале декабря. Предполагается цена 30 корон в Ч. С. Р. и 1 доллар за границу. Кто хочет иметь казачью книгу, должен поддерживать издательство „В. К.“ и купить календарь. Привет.

Болгария. — Б. К. — Не секрет, конечно. Редактор „В. К.“ И. А. Билый — кубанский казак, член Рады, член Верховного Круга Дона, Кубани и Терека,...

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В Подебрадах: **Ф. М. Штовхань.**

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ:

Н. В. Аниканов.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

Т. Л. Лях.

София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“, soba br. 9.

В О ФРАНЦИИ.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).

Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Е. М. Якименко: M-eur Yakimenko, 71, rue Vallier, Levallois Perret (près Paris).

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff),

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchecoslovaquie.

№ 46

Прага, пятница 25-го октября 1929 г.

№ 46

Любовь Самсонова. (Прага).

ПОБАСЕНКА.

* * *

Мне бы грудь девичью
Потуже затянуть;
Мне бы стан свой поясом
Перетянуть;
Мне б на лошадь птицею
Взмахнуть;
Мне бы песни громкие
В поле распевать,
Мне бы шашкой острою
Во бою махать,
Мне б по полю бранному
На коне скакать,
Мне бы птицей вольною
К облакам взмывать!

* * *

Мне бы отроком кротким
Пред крестом клониться,
Мне бы над Миньями
Плакать да молиться,
Мне бы в легких лапотках
В дальние скиты
Медленной походкою
По лесам брести.

* * *

Горько слезы капаят,
Проклятые пальцы!
В кровь иглой исколоты
Девичие пальцы.
Часто бранит мамушка,
Кажет бить поклоны,
Да глаза не радуют
Хмурые иконы.
Кто же виноват-то,
Что вчера в садочке
Пел душа соловушка
Напролет всю ночь!
Кто же виноват-то,
Что казак бывалый
Вчера у батюшки
Расхвастался славой.
Бровью играл узкою,

Ус крутил чернявый —
Аж у девки кровушка
Заиграла лавой.
— У нас воля вольная,
Детки наши крали...
Баня, женихов, мол,
Сами выбирают!..
Не захочет старого —
На коня, да в поле! —
Батя посерчает,
Да махнет рукою.
Не боятся врагов
С пикою ли, с шашкой, —
На коне умчится
Быстролетной пташкой!
Горько слезы капаят —
Проклятые пальцы!
Век бы вас не тронули
Девичие пальцы!..

* * *

Постыли мне книжицы
Не хочу быть дьяком!
Мне удел приказный
Вовсе уж не лаком!
Нет мне дела до казны,
До княжьих угодий,
Не хочу скрипеть пером,
Спину гнуть уродом.
То ли свету и видать,
Что в мое оконце?
Отказаться от цветов,
От пташек, от солнца?
От холопов брать сивком
Царские копейки
И законы обплывать
Рыбкою уклейкой?..
Лучше мне монашиком
Бресть в скиты далекие,
Благостными зорями
Тропкою широкою...
В кельях монастырских
Медовые соты,
С батюшкой Евсевием

Кушать без заботы...
 Скитские отшельники...
 Ночные стояния...
 За спиной котомочка...
 Сладость подаянья...
 Сладкие источники,
 Лесная малина,
 После солнца жаркого --
 Тенистые крины...
 Мне бы кротким отроком...
 В монастырь к Задонцам...
 С батюшкой Евсевием...
 Прыгнуть что-ль в оконце?!

* * *

Проклятый шишига!
 Голодранец гадкий!
 Дочь сбежала с казаком
 Прямо без оглядки!

Да и поп то как хорош --
 В дом пролез как кошка, --
 Сам удрал чрез ворота --
 А сынок в окошко!..

* * *

Всех на хуторе ловчей
 Боярышников Васька!
 О нем бабки говорят
 Небылицу сказку:
 Будто Васькину вишь мать
 С высокого дому --
 Митька убегом примчал
 К голубому Дону!
 Старый пасечник монах,
 Дале кажут сказку --
 Братом Митькиной жене --
 Значит дядька Ваське!

Людмила Костина. (Югославия).

Степная быль.

Ночь, душистая, теплая ночь в необъятных степях широкого Дона. Тихо... На десятки, на сотни верст протянулась тишина.

Кротко мерцают хороводы звезд, чьей-то невидимой рукой разбросанных по далекому ночному небу... Словно лампадки, зажженные у икон накануне праздника, словно любимые очи близких, но теперь далеко, навсегда ушедших от нас людей, глядят и улыбаются с синей высоты.

Спокойно и плавно течет Дедушка-Дон. Низко склоняется ковыль к журчащим волнам, будто старается уловить слова его тихой и жуткой сказки. Чистый ночной воздух напоен ароматом чебора и полыни и еще каким то странным, степным бодрящим запахом, который знаком и понятен только природным донцам.

Словно зачарованные стоят казацки хутора и станицы. Белые домики прячутся в душистой зелени, и только колокольни станичных церквей гордо поднимаются к величественному звездному небу. И горят озаренные лунным сиянием кресты каким то неземным голубоватым светом.

А ночь, красавица ночь, развернула свое покрывало и окутала землю чарующим сном. Все покорилось ей и она, гордая и счастливая своим могуществом, смотрит в воды Тихого Дона и любит себя собой.

Спят чубатые казаки и синеокие казачки, утомившись за жаркий день, переполненный подчас тяжелыми заботами. Скрылись животные, умолкли птицы, спрятались насекомые в чашечках цветов. Тихо. Изредка в чистой, просторной конюшне загремит цепь от недоуздка, или ударит копытом встревоженный Васька. Пахнет душистым сеном и лошадью...

Неподалеку от ворот, за самодельной конурой, словно мертвый лежит большой мохнатый пес. Утомился верный сторож и прилег отдохнуть, воспользовавшись тишиною ночи. На окне, высунув из-под занавески жеманную усатую мордочку, прикурнула кошка и мурлычет о чем то по своему во сне. Спят и остальные рогатые и пернатые обитатели уютного казацкого домика; только неугомонный сверчок забрался за печку и на всю ночь завел свою бодрящую песенку.

Вымершей кажется оживленная за время дня станица, и только длинные, тонкие журавли возвышаются то там, то сям над крышами затихших домиков и, словно часовые, охраняют покой своих спящих хозяев. Изредка какой-нибудь, обеспокоенный случайным шумом Полкан залает лениво и нерешительно, будто бы по заказу, чтоб выполнить обязанность. Его сигнал подхватят-такие же похожие на него товарищи и на несколько минут огласится вся станица громким лаем, а потом снова все стихнет.

А дальше в степи тишина, такая же ароматная и

сонная, и далеко далеко простирается бесконечный простор. Любуется ночь делом рук своих, любит красотою, созданной ею в тишине необъятных пределов, и, закрывшись синим звездным плащом, обливает землю серебристым светом. Но, обманулась на этот раз гордая волшебница в своем могуществе. Среди общего мира не все пало ниц перед ней, не все отдалось ее темной магической власти.

Степь, непокорная вольница -- степь, не одела на себя оковы томящего сна, степь живет... живет своей странной таинственной жизнью... жутка и красива ее жизнь, переполненная отголосками прошлого. Много видела красавица -- степь, много рассказали ей волны могучего Дона, много сохранили в себе степенные курганы, что как верные сторожа, охраняют сокровища зеленого мира. Видела она древних Азов, видела богатырей, видела блистающих золотом ханов. В ее зеленую грудь впивались копыта коней своих и чужих витязей; по ней катились с жалобным скрипом телеги азиатских кочевников; скрыла она удалых людей и воспитала смелых и сильных в своем бесстрашии Донцов-Атаманов, хранящих заветы старины, возрастила героев, верных защитников Тихого Дона. Слышала она не раз лязг оружия, крики побед, молебны о походе, стоны и слезы, и злоеющее карканье воронов. Но, не только тоска и печаль растилалась кровавым туманом по ее простору, знакомы ей были и пиры богатые, и хороводы девушек, и песни казачие с серебристым подголоском, и нередко громкое, радостное ура могучими раскатами катилось все дальше и дальше по широкой степи.

И вот теперь, в эту лунную ночь она живет своим прошлым. Просыпаются в темных могилах орлы и спрашивают свою тризну. Вся степь наполняется странными, жуткими звуками. Бряцает оружие, раздаются песни и крики и кажется будто сотни, тысячи конских копыт ударяются об ее зеленую грудь. При свете луны злоеющим блеском горят длинные пики, храпят кони...

Всю ночь бродят, колеблются тени, и одна за другой поднимаются из тумана веков картины былого. Так до рассвета, пока не заалет восток, пока не погрузит солнце своих лучей в стали донских вод. Грустно заблещат росинки на стальной былинках, словно слезы о былой славе прошлого. Новая жизнь просыпается в степи, а та красивая, жуткая жизнь, переполненная таинственными призраками, уходит до новой прохлады, до новой вечерней зари. Скрываются бледнеющие тени в свои холодные жилища. Все затихает и только молчаливые, строгие курганы стоят неподвижно, храня тайну минувшей ночи...

А Дон катит все дальше и дальше свои светлые воды и переносит с одного места на другое былые подвиги и славу, сплетая их в красивые, причудливые легенды...

Алексей Персидсков.
(Братислава).

* * *

Веселись разбойный ветер
Заметай у ворот следы
Знаю, на утро встретим
Тех, что не встретил ты

Заводи карагод со снегом
Путнику глаз закрой.
Душу с озябшим телом
Тихо возьми з собой.

Ф. Полковников.
(Загреб).

* * *

Расступитесь горы, скалы, —
Дайте мне простор,
Дайте степь, — на ней, бывало,
Отдыхал мой взор...

Расступитесь, пропустите
В степь на Дон, домой,
Все за степь себе возьмите,
Все за Дон родной.

Н. Нечуй-Левицкий. (Прага).

Тернии изгнания.

Был месяц май, прекрасный месяц, когда у обывателя на сердце, а у эмигранта в желудке так свободно и легко.

Ж. нуждался в деньгах позарез, а взять их было негде: до очередной полочки „иждивения“ оставалось еще долго, а итти на работу не позволяли близкие экзамены.

Ж. обошел с поклоном всех своих коллег: хоть шаром покати, хоть карманы оторви! Весна, как злая мачеха, ревниво считает каждый грош, об'явившийся у бездомного сироты, эмигранта-студента.

Обратился к приятелю-станичнику, агроному по специальности, мельничному рабочему — по занятию:

— Сашка, на тебя возлагаю все упование мое... В полочку отдам с мокрыми процентами впридачу, ей-Богу!

— Чудак, откуда у меня деньги? Сам в долгах, что младенец в пеленках.. Чуть что подработал, не знаешь, кому раньше платить.

— Вот досада!

— А зачем тебе так к спеху монета?

— Да ботинки купить надо. Комитетские совсем разползлись... Смотри, на что стали похожи: как два старых, линяющих утконоса... Просто совестно в таком виде появляться среди порядочных людей.

— Гм... Жаль, Володька, что не могу помочь. Кстати: на мельнице как раз требуются рабочие... Быть может, поработаешь пару дней, земляк?

— Дня два, пожалуй, мог бы урвать от занятий.

— Так приходи завтра наниматься. Надеюсь, не подкачаешь: работа казака должна бояться, а не казак работы. Да смотри, пенснэ не забудь снять, когда пойдешь, а то справец*) может не принять.

На следующий день Ж. явился на мельницу.

Справец, бывший австрийский фельдфебель с раздутым, красным лицом, хотя и неохотно, но принял. Послал на склад выгружать вагоны с зерном.

— Амперовать умеешь? спросили рабочие.

— А что это такое? — полюбопытствовал Ж.

Будешь насыпать в мешки зерно вот этим черпаком. „Работа пустячная“, обрадовался в душе молодой человек. „На постройке ведь не то... Три кроны в час, девять часов в день... За три дня как-раз выгоню на ботинки, мысленно рассчитал он и даже настроение поднялось „на мажор“.

Минут сорок дело шло лихо, следующие полчаса работа подвигалась с некоторыми потугами, а еще дальше — ампер начал гарцовать в руках Ж. Он с утра ничего не ел и быстро выдохся.

Рабочие вначале подтрунчивали, а потом стали ругаться.

Вдруг на пороге показался справец. Он тяжело сопел и несло от него, как от немойтой пивной посуды. Несмотря на ранний час он уже успел себя подкрепить...

По лицу Ж. градом катился пот. Сильно близорукий, без пенснэ, молодой человек не попадал „ампером“ в устье мешка и часть зерна просыпалась под вагон.

*) Управляющий.

— Нергот!*) — заорал справец — вы работаега, точно чарльстон танцуете. Бросьте! Карель, насыпай ты, а вы держите мешки!

Сконфуженный Ж. передал черпак и взялся за мешки. Но пока он успевал мешок раскрыть, полный „ампер“ уже мелькал перед носом. Зерно снова посыпалось на мостик и под вагон.

— Ježiš-Marja! (Иисус-Мария) — кричал в негодовании справец, наблюдавший за работой сзади. — Этот рус,**) кажется, отродясь ничего порядочного в руках не имел! Бросьте! Вяжите мешки, да покрепче, чтобы по дороге не развязывались.

Неловкими руками Ж. принялся завязывать мешки. Никогда в жизни он этого не делал, а волнение и присутствие справца еще усиливали его замешательство. В темпе работы произошла заминка.

— Вацлав, вяжи ты, а он будет возить, — приказал справец. — Крисиш,***) на такую работу...

Расстроенный вконец неуспехом и покрикиваниями справца, Ж. начал свозить по мостику из вагона в склад наполненные мешки. Первоначального бодрого и уверенного настроения как не бывало и единственным его желанием сейчас было, чтобы ушел справец — этот ужасный человек, о крикливости и нервности которого он слышал еще раньше и голос которого на него действовал парализующе. Но справец, как Божья гроза, стоял и мрачно глядел на работу.

Мешков десять Ж. транспортировал благополучно и справец собрался было уходить, когда вдруг один мешок, плохо поставленный на возик, перевалился через мостик. Не успел Ж. опомниться, как вместе с возиком полетел вниз. Мешок расселся, зерно высыпалось, у возика сломалась ручка, а Ж. пребольно ударился коленом о выступ магазина.

Рабочие сбегались и, еле сдерживая хохот, глядели вниз.

С искривившимся от боли лицом Ж. начал взбираться на мостик. Справец был весь багровый от злости. С бешенством схватил он молодого человека за плечо, но, видимо, опомнился и только поток отборных ругательств обрушился на голову горе-работника.

Ж. было обидно до слез, но в сложившихся обстоятельствах ему оставалось только молчать.

Вдоволь потешив свою глотку, справец велел Ж. следовать за собой.

— Пойдем на мельницу. Оставлять вас здесь опасно, — уже благодушнее проговорил старик. — Вы что не возьмете в руки, все трещит... До вечера не то, что возик, а и вагон, пожалуй, лежал бы в развалинах...

По пути со склада он все попрекал:

— Ах, бедовый вы человек... Знаете, еслибы чех мне столько напроказил, давно бы прогнал с работы.

*) Проклятие!

***) Чехи часто всех эмигрантов из б. России назыв. русами.

****) Гром и молния.

Ну, что с вами делать? Ведь вы даже повернуть мешок не умеете... Вы вероятно только учитесь физическому труду?

Ж. молчал.

— О, Ježiš-Marja! — трагически вздохнул справец, входя во двор. — Ну, ладно! Какнибудь дотяну с вами этот день. Идите вверх там вам старший мельник даст чтонибудь делать.

Мельник поставил его возле выходной трубы, откуда поступала мука.

— Видишь вот этот кран, смотри, не открывай его сразу. Укрепи сначала к трубе мешок, вот как это я делаю, а потом медленно поворачивай, пока мешок не наполнится. Потом отставишь и возьмешь другой.

Ж. был так пришиблен всем предшествующим, что забыл все наставления мельника. Подвесив мешок, он открыл кран на полный поворот.

Произошло нечто ошеломляющее, неожиданное: эластичная масса засыпала Ж. выше пояса. Когда он опомнился и протер глаза, то увидел себя как бы провалившимся в сугроб снега. Из трубы лавиной валила мука.

Подбежал какой-то рабочий и закрыл кран, а растерявшемуся Ж. крикнул:

— Pitomče,*) что ты наделал! Достанется тебе теперь.

С дикими проклятиями примчался мельник, схватил молодого человека за шиворот и выставил за дверь.

— Вон отсюда убирайся, или я за себя не ручаюсь!

Совершенно уничтоженный, Ж. стоял у выхода и апатично ожидал, что будет дальше.

Скоро с нижнего этажа послышалось сопение и раскатистый голос справца:

— А, опять этот рус! И за кой грех я себе посадил его на шею! Mordie, он отравил мне сегодня настроение на целую неделю!

Ж. немного заволновался, когда мельника заскрипела под тяжелыми шагами. В это время во двор въехал грузовой автомобиль и раздался голос:

— Пане справец, тридцать мешков муки! Только скорее! В нашем распоряжении всего двадцать минут.

Справец взобрался наверх и, повидимому, забыв о Ж. кликнул:

— Ребята, нагружать будем! Шевелитесь, чтобы через четверть часа было готово!

Рабочие, привычные и специализировавшиеся, миглом заняли свои места.

— А вы почему здесь стоите? — накинулся справец на Ж., заметив его без дела — Живо помогите мне спустить „шоупачку“.

Торопливо, плохо соображая после столь сильных ощущений дня, Ж. схватил громадный транспортный желоб за один конец, справец за другой, просунули в петли железный болт и начали спускать в отверстие в стене, под которым остановился грузовик.

Но справец был дряхлый, а Ж. подслеповатый и „шоупачка“, не утвердившись на автомобиле, скользнула вниз, а верхний ее конец с такой силой подался вперед, что болт вырвался из рук Ж. и на расстоянии сантиметра промелькнул от подбородка справца.

*) Сумасшедший.

Старик совсем опешил даже побледнел, не то от возмущения, не то от неожиданности и испуга, а глубоко озадаченный Ж. только беспомощно заморгал близорукими глазами.

— Пане, за такую работу вы заслуживаете не плату, а par facek.***) Ведь вы могли лишить меня не то, что зубов, а и головы! Я не знаю... Я не знаю... Первый раз в жизни встречаю такого нерасторопного человека, — разводил справец руками. — Или у вас ум за разум заходит, или вы сегодня ослепли...

Молодой человек настолько ошалел, что даже не стал оправдываться сильной близорукостью.

— Пан справец, так что с мукой? Мы ждать не можем, — торопили снизу, устанавливая „шоупачку“ на автомобиль.

Старику не оставалось времени, чтобы достойно излить свой гнев. Он только распорядился:

— Идите на самый верх, возьмите свободный возик и подвозите муку к люку. Когда я крикну, свернете мешок на край, а он по доске съедет сюда.

Эта работа пошла сравнительно гладко и уже была надежда, что все окончится благополучно. Ж. спустил мешки справцу, тот их хватал, стоя у края желоба и направлял по „шоупачке“ в грузовик.

— Вот видите, ничего мудренного в этом нет. Нужно только немного думать над тем, что делаешь, — уже мирно, почти дружелюбно поучал справец снизу.

Не успел он еще окончить фразу, как случилось нечто ужасное, от чего Ж. защемило возле сердца. Близорукими глазами не рассчитав хорошо расстояние, молодой человек свернул в люк вместе с восьмидесятикиловым мешком и тяжелый железный возик.

Все с грохотом полетело на справца.

Ж. успел только отчаянным, чуть не плачущим голосом крикнуть:

— Пане справец, внимание! Бегите в сторону!

Дальше его нервы не выдержали. Как распуганная лошадь, промчался он через всю мельницу и кубарем скатился с лестницы.

— Куда бежишь? Что случилось? — спрашивали его в машинном отделении.

Не отвечая на вопросы, не останавливаясь, без шляпы выбежал Ж. во двор, перевел дух и быстро зашагал домой.

Из окна неслись огчаянные ругательства справца.

— „Ну и слава Богу, что ругается, значит еще жив“ — решил обрадованный Ж.

Пока дошел домой, у одного ботинка совсем отстала подошва и он при ходьбе жадно глотал воздух, как выгнута из воды щука.

А вечером Сашка вручил Ж. шляпу и десять крон и со смехом сказал:

— Эх, брат, осрамил ты славу казачью! Только и было разговору, что о тебе... Потешил рабочих на мельнице знаменито!

— А справец велел передать, что готов тебе выплачивать пенсию, только чтобы ты никогда больше не показывался на очи.

**) Пару оплеухов.

Дм. Троян.
(Подбрани).

... ШЛЯХ ПРАВДИ.

Серце б'ється і сміється
Само над собою, —
Що ми розброїні й розігнані
Московською ордою...

Розігнані й зневірені,
В свою славу й силу,
Бо не вміли знайти шляху
Про свою вітчизну...

Шляху правди і свободи —

Що колись гуляли

Поміж нами, козаками,

Й ніде не вмірали...

Не вмірали, а співали, —

Й весело жилося, —

А вино і мед-наливка

Річкою лилося.

А та праця не всипуца

На степах широких!

А по праці, — добра повно

В закрамах глибоких.

А станиця! як дівиця —
 Весела й богата —
 І ніколи з нас ніким
 Не була проклята.
 Отак жилось! та минулось...
 Козаче, мій брате, —
 Бо пішов служити,
 В Московську Ти хату...
 І дістав за те, „добрую“ одплату —
 То кріпацтво...
 Тепер комуна...
 Прийшла в Твою хату.
 Прийшла! А що дала?..
 Ти сам добре знаєш...
 Бо через те Ти в чужині
 В наймитах блукаєш. —
 Блукаєш та шукаєш —
 Правдоньки святої,
 А де знайти?..
 Не питай про те... у душі чужої, —
 Бо не скаже Тобі правду —
 Мій козаче друже,

Бо те що Тобі болить,
 Йй... воно байдуже.
 А шукай Ти правду
 Поміж козаками,
 Що не йдуть на службу
 З тими... москалями.
 Бо вони ту правду,
 Добре розуміють, —
 Бо як і Ти...
 Одним всі боліють.
 Боліють та тужать
 За рідним тим краєм,
 Що кати його тепер
 Мучать, распинають.
 Так до праці!.. Всі до гурту —
 Хто край й волю любить!
 І тоді... наш вільний край...
 Всіх нас приголубить.
 Приголубить, та пригріє
 Хто за волю бився,
 І осудить тих козацтво
 Хто з чужим дружився.

Гнат Макуха. (Югославія).

ДО УДОВИ-КОЗАЧКИ.

З дружиною, серце, прийшла ти в чужину,
 З коханим ти думала долю ділити,
 І драну сорочку і драну свитину
 Доводилось вкупі тобі з ним носити.
 Минуло сім років. Козак твій загинув —
 В чужому степу за селом спочива...
 І сум твоє серце ніколи не кине,
 Душа твоя хвора, холодна, суха...
 Одну тільки думку не знищило горе,
 Вона в тебе вільна — усюди літа.
 Пошлеш її в Рідний — туди, через море,
 Як вернешься, сестро, тебе привіта...
 Ти в рідному Краї козачкою звалась,
 Як квітка швіла серед вільних степів, —
 Тепер ти з нудьгою та лихом спізналась,
 Та чуєш щоденно лиш стогин братів.

Нема в тебе роду, — одна, як билина,
 Живеш серед люду в чужому краї
 І віриш, сердешна, як тая дитина,
 Що будеш ще жити в казачій сім'ї.
 І вірь, моє серце. Година та буде, —
 Ти будеш щаслива в своїй стороні...
 Он, чуєш, що Вільне Козацтво вже буде
 І кличе братів виручати Краї.
 Вставай же, голубко! Черга за тобою —
 Ставай проміж вільне козацтво в ряди,
 Промов ти до тих, кому звешся сестрою,
 Промов, щоб почувли — „До зброї, брати!
 Єднаймося до купи! До зброї за Рідний!
 Не сварка — єднання лиш волю дає“.
 За се тобі Край твій, замучений, бідний,
 Поклониться низько і славу скує...

Еще о „Перуанском“ вопросе.

Наше осторожное и сдержанное отношение к переселению казаков в Перу находит себе некоторое подтверждение и в последнем (октябрьском) номере „Кавказского Казака“. Кубанский Атаман объявляет в нем, что пока он не будет иметь определенных сведений об условиях, на которых дается там казакам земля, а также более точных сведений об условиях жизни и работ в Перу, он не приступит к формированию последующих партий для переселения.

В самом деле, сведения, главным образом по письмам оттуда, весьма разноречивы. Не будем говорить сейчас о несогласиях двух основных групп переселенцев — „французской“, с одной стороны, и „югославянской“ — с дру-

гой. Что и как устроилась группа г. Лысенко, нам неизвестно. Что и как устраивается группа ген. Павличенко — некоторые сведения об этом можно найти в только что опубликованном материале в „Кавказском Казаке“. Сведения эти разрозненны, исходят от разных лиц, но кое-что, и весьма существенное, можно установить и по ним. Остановим свое внимание на наиболее важных моментах.

Прежде всего, еще до сих пор неизвестно на каких собственно условиях дается там казакам земля.

Земли этой до самого последнего момента никто еще не видел. Только в конце августа ген. Павличенко и инж. Королевич в сопровож-

дени хорошо вооруженного конвоя и с очень большими трудностями пробрались в долину р. Апуримак. Вообще места там гористые и лесные. Земли те заселены индейцами, хотя, кажется, и редко. Этим объяснить можно, может быть, и то недружелюбие, которым встречены были там казаки. Здесь, очевидно, надо быть чрезвычайно осторожными и осмотрительными: ведь если земли, предполагаемые к передаче казакам-колонистам, в действительности принадлежат индейцам, то, значит, придется вступать в конфликт, а может быть и воевать из-за них. Не будет ли здесь повторения того, что однажды было уже между Запорожцами (Черноморцами) и Кавказскими горцами (а они ведь были только соседями). Не будет ли там угрозы повторения Кавказской войны? Если уж воевать, то не лучше ли воевать с большевиками за свои Земли, чем с индейцами за индейские? Ехать за океан, перевалить через одни из самых высоких в мире гор и строить там военные поселения — мало утешительного вообще и, по нашему, не решает вопроса казачьей эмиграции. Весьма возможно, что в действительности все это и не так еще черно, но надо узнать сначала и сказать все — что и как в действительности есть. Тем более, что, даже при благоприятных условиях, торопиться туда сейчас незачем, т. к. добраться до р. Апуримак можно будет только по той дороге, которая ныне строится инж. Королевичем и на окончание которой, по словам самого же Королевича, нужен еще год. Вот этот год и нужно использовать так, чтобы изучить вопрос хорошо и детально. А то, ведь, первая партия сунулась в воду, не спросив броду.

А изучить нужно предварительно многое.

Уже первые отрывочные сведения оттуда (не будем говорить здесь о роли тех или иных лиц) говорят о больших контрастах тамошней местности. В то время, как те места, где работает сейчас партия ген. Павличенко на постройке шоссе, голы и каменисты, долина р. Апуримак лесиста. Сейчас наши казаки работают там на высоте 3200—4000 метров. К таким высотам казаки не привыкли и, пожалуй, не привыкнут. Непривычны они и к таким большим колебаниям суточных температур (днем жара, ночью холодно). Неизвестно, на какой высоте лежит сама долина р. Апуримак.

Что касается времен года, то оказывается, что тамошняя зима равняется нашему хорошему, жаркому и сухому лету (по словам Королевича: ночью 18°, днем в тени 32 и до 40° на солнце), лето же — сказано неопределенно — теплее и идут дожди. Вот тут то и могут наступить действительные трудности: наверняка можно сказать, что экваториального жаркого и сырого (дождливого) лета организмы наших казаков с 45°—50° сев. шир. не перенесут. Тут уж действительно надо знать наперед все, т. к. никакой труд, никакая добросовестность казачья климата не изменят.

Каково экономическое будущее долины р. Апуримак — тем более определенно сказать трудно еще, но кое что сказать уже можно и сейчас.

Из того, что мы знаем пока из письма инж. Королевича, можно сделать заключение, что в течение ближайшего времени переселенцам казакам пришлось бы вести натуральное хозяйство — производить все самому для собственного потребления. Долина р. Апуримак лежит далеко от моря, за высокими горами. Железнодорожного сообщения нет. Большие горы исключают на многие десятилетия вопрос о приобщении этой долины к железнодорожной сети. Вот в течении этих десятилетий и не пришлось бы рассчитывать на действительное экономическое развитие казачьей колонии. Да и в будущем, как бы ни были прекрасны там бананы, но вывезти их оттуда нельзя бы было — перевозка к морю была бы слишком дорога. В то время, как дорогие сорта дерева жгут там за ненадобностью, а бананы все пришлось бы есть самим, продукты фабрично-заводской промышленности там очень дороги. Таким образом, казак-колонист сельско-хозяйств. продукты своего труда если бы и мог продать, то очень дешево, а за мануфактуру, железные изделия и пр. должен был бы платить дорого.

Все эти соображения заставляют нас считать решение кубанской Белградской станицы, настаивающей на предварительной посылке туда особой комиссии специалистов, единственно правильным. Одновременно нужно поставить вопрос и о других возможностях: может быть можно найти что и кроме Перу. Может быть придется послать ту же или такую же комиссию еще куда.

Мы нисколько и ни в чем не заподозриваем тех, кто организовал переселение в Перу, верим и в совершенную их искренность, но думаем, что „разведка“ делается слишком по военному там, где ее нужно было делать прежде всего по фронту экономическому.

Ответственность руководителей переселения в Перу усугубляется еще тем, что попасть туда легче, чем выехать оттуда. Туда везут „в счет будущих благ“. В случае же неудачи, выбраться оттуда безденежному нет никакой возможности, да еще и отработать нужно сначала за перевозку туда.

Мы еще раз подчеркиваем, что мы не против того, чтобы казачья эмиграция собралась в одно место, мы считаем, что и расставания не могут играть сейчас решающей роли, но нужно делать это так, чтобы не попасть из огня да в полымя. Дальше, не нужно никогда казачьей эмиграции забывать своего долга перед своей казачьей Родиной. Решение Казачьего Вопросы во всей полноте не принадлежит казачьей эмиграции но тем не менее, ее роль в этом может быть большая и от этой роли она не может и не должна будет отказаться.

Ис. Быкадоров.

Казачья и русская точки зрения.

Каждый народ при национальном своем осознании, осознании себя как особого народного организма, устанавливал свою национальную точку зрения на свое историческое прошлое, на свое современное бытие и на основании этого уже направлял свою деятельность, для осуществления своего будущего.

Все вопросы рассматривались и могут рассматриваться только с точки зрения интересов, блага и чести самого этого народа, в противном случае нет национального самосознания.

Еще не было примера в истории, чтоб народ победитель, народ властвующий над покоренным, освещал историю этого последнего объективно. Ведь он освещает все вопросы с точки зрения своих интересов, своего блага — а они связаны с господством и властвованием, поэтому оно и оправдывается в первую очередь.

Так было всегда, было у всех народов, стоявших во главе государств. Но русские применяли и применяют и свои методы властвования: они изобрели идею „единства русского народа“, единства русской культуры и т. д. В единый русский (великорусский) народ русские готовы были обратиться и украинцев, и белоруссов, и казаков. Понятие русский — являлось понятием государственно политическим и этническим, усвоившимся за великорусским народом. В государственно-политическом смысле, в смысле подданства, назывались русскими — и украинцы, и белоруссы, и казаки, и калмыки и грузины и пр. народности.

Во время существования Австро-Венгерского государства и немцы, и чехи, и поляки (Австрийской части) назывались австрийцами, но этот термин, конечно, потерял свой смысл. В эмиграции до сих пор русскими называют представителей всех народов бывшего Русского государства. Этот термин имеет исключительно историческое значение. Но украинцы, казаки и грузины называются соответственно и этими именами и в государственно политическом смысле, т. е. государства Украина, Всевеликое Донское Войско, Грузия, как таковые существовали уже в период 1917-20 г. г. Государственно-политическое значение слова русский утерялось и в СССР, оно имеет теперь исключительно этническое значение, тождественное слову великоросс и отчасти географическое. И в современном понимании казак, конечно, не является и не может называться русским, т. е. никогда ни один казак не осознавал, не считал и не был в действительности великороссом.

Всякая культура, исходившая из основ какой-нибудь государственности, прекращала свое бытие, с прекращением бытия этого государства. Культурные же достижения — следствие творчества известного народа или совокупности народов, входивших в состав государства, являлись благом, источником для черпания из них не только для этих народов, но и для всех других. Но черпания того, что нужно, что кажется целесообразным, для этого народа по его выбору, по его воле. Исторические же достижения и остаются в пользовании этого народа; т. е. у каждого есть и свои — в области и духовной и материальной культуры. В противоположность великорусским лаптям имеются у горцев чувяки, камаринскому — казачек и лезгинка: в противоположность великорусскому постоянному исканию Бога, у казаков — бережение своего, уже давно найденного Бога. Русские столь много уделяют пресловутой идее единства русской культуры (очередная демагогия), что на ней мы остановимся особо.

Высшее национальное самосознание обычно выявляется в стремлении народа к осуществлению своего независимого государственного бытия и не в силу только уже исторического существования, а осознания, что благо народа действительно может быть осуществлено лишь при независимом государственном существовании народа.

Осознание себя отдельным народным организмом имеет истоки свои обычно в историческом прошлом этого народа, в сохранении в памяти народной своего

прошлого независимого государственного бытия. Изучение истории своего народа при зарождении национального самосознания, является одной из главных и первых задач для национального пробуждения и развития его.

Дело заключается не в отыскании новых исторических документов, а в обращении к существующим первоисточникам и в освещении их с точки зрения интересов, блага, чести этого народа, его исторического прошлого.

Русские историки, писатели извлекали и освещали извлеченное из исторических первоисточников, что находилось в соответствии, подкрепляло политические тенденции — единства русского народа, единства русской культуры, блага московской династии и т. д. О всем, что исторически это опровергает и устанавливает иное они умалчивали.

Исторические первоисточники устанавливают, что осознание у казаков себя, как особого народа, особого организма, своего казачьего блага и интересов никогда не терялось, оно на протяжении сотен лет часто и выражалось совершенно тождественно. Приведем пример. Всем известно, существующее противопоставление казаков самих себя великоруссам (мы казаки, а вы русские) противопоставление Дона, Кубани, Терека — России. Оно существует и теперь в XX ст., существовало и в XVI—XIX в. в.

Во время борьбы Дона за Азов, перед осадой его турками в 1641 г. казаки „главного войска“ (столицы) — Черкасского, Маныцкого и Бессергенева, увидевши, что защита Азова будет осуществляться в интересах больше Москвы, чем казачества, на Войсковом Круге постановили:

„лучше нам погибнуть за казачьи щепки (т. е. за казачьи городки) чем за азовские камни“.

И спустя почти 300 лет в 1918 г., на том же Войсковом Круге, восстановленном высшем органе казачьей воли, мы слышали казачью мудрость: „Что говорить... Россия была держава великая, а теперь произошла в низость... а у нас и своих делов много... а наше казачье дело — пригребай к своему берегу“.

Эта казачья мудрость, исходившая из глубин казачьего национального сознания, не была понята казачьей обрусевшей „окадетившейся“ и „обэсерившейся“ интеллигенцией; в результате — путь в эмиграцию. Существовало всегда у казачества и сознание своей — казачьей чести, понимания долга. История казачества — это постоянное блюение их; конечно, были и особые высокие подъемы и падения. Возьмем для примера Мировую войну.

Особая боеспособность и особая дисциплина казачьих полков, батальонов и батарей, отсутствие дезертиров к противнику и в тыл, — все это было следствием, главным образом, понимания казачьей чести, казачьего долга, наличия и казачьей дисциплины, качества и явлений, проистекавшими из существования казачества, как особых народных организмов. Доказательством, что казачья честь, долг и дисциплина существовали, является 1917 г.; казачьи части сохранялись в то время, как русские разложились. Следовательно, русской чести, долга, дисциплины для русских воинских частей было не достаточно, чтобы сохранить боеспособность и просто порядок.

Не смотря на то, что в Русском государстве господствующей народностью являлась великорусская государственное самосознание ее в сравнении с казачеством и другими народностями, оказались (были и есть) несравненно ниже.

В Русской армии было сознание национальное, политическое и иное прочее и недостаток сознания чести, долга и т. д.; недостаток этот пытались дополнить (или заменить) сознанием долга, чести — Клятицкого гусарского, лейб-Бородинского пехотного полков, Черноморского флота, в противоположность Балтийскому и т. д.

Пытались распространить это и на казачьи полки, но дело не пошло. Все казачьи части сохраняли и блюдили честь не полка, или батареи, а всего войска, соответственно Донского, Кубанского, Терского и т. д. — это исходило из сознания казачества, как особых организмов. Традиции черпали не из истории полка, а всего войска, и вдохновлялись ратными подвигами всех казаков и своего и всех казачьих Войск.

Главные основы качества казаков, как военной силы, черпались не из основ русских, а основ казачьих, проистекали из качеств казачьего народа, поэтому когда честь русская развеялась и испарилась, у казаков осталась своя; когда у русских воинских частей боеиспособность иссякла, — у казачества это все оставалось.

Точку зрения — понимания интересов и блага своего народа, как самостоятельного государственного организма, в оценке исторических лиц и событий мы можем прилагать только к той эпохе, когда казачество существовало в виде независимых государств, или государственных организмов в составе Русского государства.

Степан Тимофеевич Разин является крупнейшей исторической личностью Востока Европы по своему характеру и как автор событий. С этой точки зрения он является объектом исторического внимания и изучения со стороны не только казачества. Но для нас очень важно установление — являлось ли движение Разина на север против Московии самоцелью, а казачество лишь средством для осуществления блага великорусского (московского) народа; или, наоборот, это движение, изменение государственно-социального устройства Московского государства являлось средством для сохранения независимого государственного бытия Донского войска (и всего казачества); изменением социального строя предохранить Казачество от натиска со стороны Московии. Так вопрос русскими не ставился: здесь две противоположных точки зрения на личность и события: русская (московская) и казачья. Ранее, конечно, могла иметь право на существование только первая, но теперь есть и казачья. Мы не имеем достаточных исторических данных, чтобы разрешить вопрос в ту или другую сторону. Но отношение казачества к Разину, основанное на памяти народной и традиции, как к народному герою, указывают, что движение Разина было средством, исходившим из понимания блага и интересов казачества, и голода (голодьба), скопившаяся в то время на Дону, для него являлась лишь материалом.

При оценке личности и деятельности Донского Атамана Платова, мы должны принять во внимание, что в его время казачество не существовало в виде государственных организмов в составе Русского государства,

а всего лишь в виде народных организмов. С точки зрения соблюдения и осуществления интересов и блага своего казачьего народа и может только рассматриваться личность и деятельность атамана Платова. Поэтому монархизм Платова, приверженного к Дзюру, искание связей в нем, ни в каком случае не могут быть ему поставлены в вину, если этим путем осуществлялось благо, выигрывали интересы Казачества, а не его личные.

Этих примеров считаем достаточно для установления понимания о казачьей точке зрения, в понимании исторического прошлого.

В 1918-20 г. г. Казачество существовало в виде независимых государств, или было на пути к осуществлению их, во всяком случае, в виде народных организмов, устанавливавших свое новое бытие.

И отношение к политическим казачьим деятелям может быть только по принятии во внимание, осуществлялось ли ими благо и интересы прежде всего (и только его) самого казачества. Честность необходимое условие, но не единственное.

В оценке личности покойного Атамана Каледина его кристальная честность всегда будет образцом и предметом внимания, но осуществление блага Донского войска различно, в зависимости от понимания его только, как народного, или как государственного организма. Атаман Каледин естественно понимал первое, шел по пути осуществления, согласно событиям и воле народной, ко второму — осуществлению независимого государственного бытия, сначала как средства; но решение созвать круг изо всего населения (учредительного круга) он был на пути к принятию идеи самостоятельного и независимого государственного бытия Дона как самоцели. Он шел за событиями и с событиями, но не управлял ими, непредвидел их. Но это удел если не гения, то таланта. И для нас ясно, что ат. Каледин гением не был, он был только честным слугой своего народа.

Только с точки зрения соблюдения и осуществления интересов и блага казачества в эмиграции, осуществления — восстановления казачьего государственного бытия мы и можем рассматривать деятельность политических казачьих деятелей, а тем более лиц, поставленных волей народной во главе казачества еще в своих краях. Но это особая тема.

Интересы, благо Казачества, стремления и осуществления независимого государственного бытия — есть основа, тот свет, которым казак и должен освещать и лица и события для понимания отношения к ним.

Своя казачья точка зрения на лица и события является необходимой для национального казачьего пробуждения и развития, для осуществления независимого государственного бытия казачества.

Инж. В. Бейсуг

О фашизме.

(Окончание).

В фашизме мы усматриваем две стороны: чисто идеологическую — фашизм, как теория, и практическую — фашизм, как тактика. Такое разделение будет полезно для дальнейшего изложения, ибо отношение к обоим сторонам у нас различное. Фашизм, как идеологию, мы отрицаем безоговорочно, полностью. В фашизме, как тактике, многое, по нашему, заслуживает подражания в условиях текущего времени. Рассмотрим обе стороны отдельно.

Каждое учение, а тем более учение политическое, носит в себе элементы известного фанатизма, веры исключительно в свою правильность и нетерпимости к учениям иным. Но едва ли какая либо иная идеология, кроме коммунистической, пропитана столь эггим настроением, сколь пропитан им фашизм. Муссолини считает фашизм не только единственным возможным режимом для Италии, но и единственным путем спасения для всех других государств Европы. Так по крайней мере высказался вождь „черных рубашек“ на большом со-

брании фашистов 14 сентября этого года. С таким утверждением мы согласиться не можем. Фашизм — дело рук человеческих, а человеку свойственно ошибаться. Никакое человеческое учение не может никогда претендовать на непогрешимость. Муссолини смятком самоуверен в своем отрицании возможности появления иных лучших путей, и нежелании признать, что и теперь известное сочетание факторов социальных, исторических, политических и т. п. могут в ряде государств сделать осуществление фашизма даже теоретически невозможным, или ненужным и бесполезным.

Итак, в универсальности фашизма, как идеологии, мы сомневаемся. Но это еще не самое главное. Таковым по своей неприемлемости для нас является основная установка фашизма на государство, уже раньше приведенный лозунг: „все в государстве, и все для государства, ничего против государства, ничего вне государства“. Для нас же — „все — в человеке и все для человечества“. Не человек для государства, но госу-

дарство для человека. Человек высшее творение Божие и, если можно вообще говорить об абсолютных ценностях, то таковой является лишь жизнь человеческая. Государство имеет свой смысл и оправдание в создании лучших для человека условий его жизни. Для чего и для кого этот мертвый бездушный идол, ставшее самоцелью „корпоративное государство“ Муссолини? Если в нем хорошо живет людям, — тогда мы приветствуем его, но как самоцели — цена ему ноль.

Проблема личности и государства, — это одна из „проклятых“, вечных проблем людских. Это один из тех вопросов, от которых нельзя отвязаться. Тысячи людей идут на войну и отдают там свою жизнь — за государство, или за его народ? За лучшую жизнь для грядущих поколений, или за отвлеченную идею? Постановка такого вопроса перед неподготовленной к нему массой напоминает нам ребенка, когда его спрашивают, „кого больше любишь, папу или маму?“ Ребенок хлопает глазенками и не знает, что отвечать, — обоих любит. То же и здесь. Вопрос сложный и трудный. Его решение уходит в философские воззрения человека, и у каждого будет иное. У Муссолини, склонившегося перед государством за счет человека, не даром постоянно гостей на письменном столе книги немецких философов Ницше, Штирнера, Шопенгауера. Так или иначе, но основное положение фашизма — все для государства и все в государстве — мы не разделяем.

Фашизм очень прямолинеен. Когда поднялся вопрос о мире с Ватиканом, Муссолини остался до конца последователем. Читателю, не имеющему возможности детально следить за политической жизнью нашего времени, могло показаться, что переговоры Муссолини с Ватиканом прошли вполне гладко, а заключенный мир на 100% удовлетворил обе стороны. На самом деле это не вполне так. Несмотря на то, что итальянские католики поддерживают фашизм, а подавляющее количество фашистов — католики, между католицизмом и фашизмом существует одно органическое противоречие. Оставаясь последовательным в лозунге „все для государства“, Муссолини привлекает на службу государству и католицизм, желая и его поставить в ряд „абсолютно согласованных проявлений национального целого“. Религия ему нужна, как одно из средств для создания сильного корпоративного государства. Нужны священники в школах, чтоб создать соответствующим образом настроенные кадры будущих фашистов, нужны миссионеры, чтоб расширить престиж Италии в колониях и т. д. Но ни один истинно верующий католик, а тем более сам глава католицизма — папа, не согласится сделать из религии служанку государства. Заминки в последнюю минуту переговоров и острожно-вежливая полемика в прессе после заключения конкордата, является лишь мягким отзвуком невидимой борьбы кардинально противоположных воззрений: религия выше государства, или религия для государства? Или, быть может, срединные компромиссные пути? И на этот вопрос ответ будет связан с индивидуальными воззрениями читателя, ибо и он слишком труден, глубок и неразрешим отдельно вне связи с целым мирозданием. Для нас — установка в этом отношении фашизма неприемлема.

Фашизм выкидывает знамя подчинение „единой цели“. Но какова эта цель? Если бы перед человечеством в целом, или перед государством стояли какие то определенные, объективные, заранее заданные цели, тогда бы с этим положением можно было согласиться. Но этих целей нет. Их сперва нужно поставить и дать право постановки каждому. Как можно ото всех требовать безапелляционного подчинения „единой цели“, если эта цель относительна, изменчива, и не для всех приемлема? Мы даже согласны с Муссолини, что все политическое, экономическое (особенно в „свободной“ Америке с ее пошлинами и трестами), и другие „свободы“ стали в условиях современной действительности „иллюзией для наивных людей“. Но свобода в постановке цели является природным, неотъемлемым правом и индивидуума, и коллектива. И никакое корпоративное государство, или возглавляющий его гений, не может брать патента на установку этой цели. А если

так, то нельзя одинокому человеку предоставлять „предсказывать лишь на песни пустыни“.

На голову фашизма сыпалось много обвинений в революционном произволе и безнаказанных насилиях. Муссолини не даром пришлось оправдываться и доказывать, что „из 5.046 обжалованных лиц, попавших на скамью подсудимых особого фашистского трибунала, уже 4.000 отпущено, 275 лиц осуждено на заключение меньше 10 лет, а 230 будет выпущено на свободу в течении текущего года“.

Фашисты расправились со своими противниками довольно круто. Деятели оппозиции жили, особенно в первое время после переворота, под постоянной угрозой насилий, избиений, погромов. Редакции антифашистских газет подвергались регулярно разгрому, а комплексы только что прибывших оппозиционных газет не передавались газетчикам для распространения, но демонстративно сжигались фашистами на площадях больших и малых городов Италии. Все это, конечно, факты характера не идеологического. Однако они характерны, для духа нетерпимости, пропитывающей фашистскую идеологию. Характерны и те эпизоды, когда дамам предлагали одевать более длинное платье, и когда свирепствование цензуры всех видов для сохранения неиспорченных нравов доходило до комизма. Ясно, что разыгрывание подобных эпизодов совершалось без предварительного одобрения Муссолини и вовсе не по фашистской программе, но все же и они показательны для обстановки жизни в государстве, где „ни одна сторона деятельности отдельных лиц и социальных групп не должна ускользать от государственной компетенции“ и от опеки власти.

Таковы некоторые стороны фашизма, неприемлемого для нас, как идеологии.

В чем же отличие (от такой идеологии) фашизма, как тактики? Прежде всего в том, что тактика обуславливается данным положением вещей, данными и обстоятельствами, требующими тех или иных шагов. Данный тактический ход может быть правилен, даже если он сам по себе, отвлеченно, неправилен. По тактическим соображениям иногда бывает необходимо делать вещи, сами по себе нежелательные; нельзя только забывать об их принципиальной нежелательности, и надо делать скрепя сердце, с сознанием, что все лучшие пути уже испробованы и больше к цели не ведут. С этой точки зрения фашистам можно не только многое простить, но и многому у них поучиться.

В прошлом номере, начиная наш очерк, мы уже упоминали о кригическом состоянии, в котором находилась Италия перед переворотом Муссолини. Страна была накануне полной анархии и государственной катастрофы. В такие минуты разбираться в правильности или не правильности той, или иной идеологии некогда. Самый неправильный, но определенный, вострый и последовательный образ действий скорее в такие минуты может привести к порядку, чем правильное, но бездействие. Мы объяснили, почему мы не приемлем фашистскую идею государства, но если оно было единственно возможным знаменем, вокруг которого готов был стать народ и могли утихнуть страсти, — тогда все, что водружало это знамя, находит себе оправдание.

Лозунг „цель оправдывает средство“ — лозунг иезуитский. От него упаси нас Боже. Но можно сказать и иначе: бывают иногда цели, которые оправдывают и недопустимые средства. Для нас государство не высшая абсолютная ценность и покупать его благополучие любой ценой нельзя. Но в то же время идея государства столь велика, что принести ей в жертву иногда можно многое. Когда ставится альтернатива — опуститься на дно с демократическими свободами, правом меньшинства, равноправием и т. д., или оставаться на поверхности, но отказать от всех тех благ, — тогда выбирают второе. Фашисты это и сделали. Государство было спасено. После того, как государство было спасено, Муссолини, вместо того, чтобы поставить точки над „и“, назвать недопустимое — недопустимым, временное — временным и вывести государство на путь менее относительных начал, возвел фашизм в идеологию и постоянную систему. С этой идеологией мы не согласны, но

поучиться фашистским методам спасения государства мы считаем необходимым, ибо они оказались блестящими.

Тактика фашизма оказалась правильной и быстро привела к осуществлению поставленной цели. Из состояния разложения и распада фашизм, и именно фашизм, превратил Италию в цветущую страну. Новые принципы взаимоотношений между трудом и капиталом дали прекрасные результаты, денежная система была стабилизирована, внешний порядок установлен полностью, бюджет стал бездефицитным, социальные отношения пришли в усойчивость, вся жизнь страны упорядочилась и все колеса национального механизма завертелись быстро и правильно.

Противники фашистов говорят, что то же можно наблюдать и в других странах, что это просто время вылечивает раны войны. Это неправильно. Время — лучший лекарь, так гласит старинная поговорка. Но тот темп, в котором залечила свои раны Италия, и те высокие ее достижения в восстановительном процессе, которыми могут похвастаться далеко не все страны (где забыты рабочие стачки? где так успешно идет борьба с безработицей?), свидетельствуют и о наличии другого фактора, кроме времени. Фамилия этого докт. — фашизм.

Этого мало. Успех той, или иной резолюции и того, или иного движения нельзя измерять исключительно практическими достижениями и улучшениями условий жизни населения. Эта слишком большая обывательщина, та самая, что сводит критику советского строя к нападкам на недостаток сахара и невозможность „прилично одеться“.

В противоположность коммунизму, духом могилы подушному на все живое и творческое, фашизм вызвал это живое к жизни. Он дал итальянскому народу невиданный доселе организационный размах, творческое воодушевление и пафос национального дела. Атмосфера ложно-демократического топтания на месте и бесконечного пережевывания принципов либерализма сменилась духом бесцеремонной, но смелой и действенной активности. Италия не только возродилась, но и переродилась, и омолодилась.

В чем же успех секрета этой чудодейственной тактики фашизма?

В том, что фашисты мало говорят, но много делают. В том, что фашисты смотрят на свои собрания, как на этап работы, а не как на повод „выговориться“ всем пришедшим, чтоб потом, разойдясь, оставить висеть в

воздухе все благие пожелания. В том, что у фашистов один активный, работник, пусть и не Бог весть какого ума, ценится больше десятка разумных бездельников. В том, что фашисты умеют не только призывать к дисциплине и повиновению, но и повиноваться. В том, что фашисты не считают возможным всюду и всегда всех уговаривать, но учитывают, есть ли на это время. Фашизм выбросил из своих понятий весь лексикон „кризисов“, „смены кабинетов“, „доверий-недоверий“ и подобной дребедени в условиях тонущего корабля государственности: когда радио шлет „S. O. S.“ (сигнал гибнущего судна о помощи), тогда капитана не сменяют; когда кругом свистят пули, тогда общих собраний не устраивают, а вместо павших начальников назначают новых. Великими принципами демократизма, заветами свободы, равенства и братства следует проникнуться каждому и проводить их в условиях созданной жизни, но создать ими жизнь нельзя: медом наполняются соты, но из меда соты не сделаешь. Фашисты сумели учесть, что они находятся не в условиях спокойной, освященной традицией веков, работы английского парламента, и выработали методы по рецепту заученных политических доктрин, но исходя из конкретной обстановки действительности. Жизнь показала, что их методы, их тактика привели к цели.

В начале нашего очерка мы неоднократно указывали на известное внешнее родство фашизма и коммунизма. Сходны они и в своих предположениях тактики, ибо если большевики и слепы на идеологию коммунизма, то для тактики то у них глаза, ух как широко, раскрыты! Мы же, когда вспомнишь историю борьбы Казачества за освобождение, всю противобольшевицкую войну проспотыкались впотьмах демократических доктрин и поисках путей согласования тактики с требованиями относительных теорий. Имели запас отличных истин, да только осуществлять их не умели. Поставим всеобщее „не“ перед всем тем, что мы неречислили, как секреты успеха фашистов, и тогда мы получим не мало секретов наших прошлых неудач.

А если так, то невольно мелькает мысль, что не у фашистов ли следует нам многому поучиться? Нет ли в их тактике многого, что достойно подражания? И если мы отвергли фашизм, как абстрактную идеологию, то на эти вопросы из области тактики мы ответим: да, есть чему поучиться, есть чему подражать в условиях текущего времени.

В. Карый.

Пора и нам прозреть.

На страницах нашего журнала не раз уже высказывалось мнение о том, что русская литература, как и вся русская культура, давно уже носили в себе зародыши нынешнего большевизма и что оне и их творцы в большой степени ответственны за нынешнее бедственное состояние народов бывшей России. Именно только русская литература могла создать таких аморальных, бездушных авантюристов или диких фанатиков, каковыми являются нынешние правители СССР, а также бессильную, безвольную, мягкотелую интеллигенцию с другой стороны, не пользовавшуюся никаким авторитетом, никаким значением среди своего народа и не сумевшую предостеречь и уберечь свой народ от наступающей катастрофы. Ведь ни одно из государственных образований не падало так постыдно и стремительно для того, чтобы уступить место утопическому строю, как русская республика, созданная русской интеллигенцией. Нам кажется, что и предшествовавшее короткое время она жила по инерции, сохранившейся от монархии и милостью большевиков, еще неподготовленных принять власть в свои руки.

Такое наше суждение приписывается бесспорно нашими противниками только ненависти к русскому народу и возникшему вследствие этого предубеждению. Но и тем, которые склонны принять нашу национально-освободительную идеологию, казалось бы, странно и невероятным, чтобы русская литература, кото-

рую мы привыкли считать высоко гуманной, проникнутой высокими общечеловеческими идеалами, могла породить дикое варварство русской революции и азиатско-деспотический способ управления коммунистической власти. Да и что, казалось бы, между тем и другим общего? Возможно, что некоторых просто даже отталкивало такое смелое суждение.

Однако для того, чтобы убедить наших читателей считаем необходимым привести целиком очень ценную и интересную передовую статью в чешской, наиболее распространенной и играющей роль русского „Нашего Времени“, газете „Narodní Politika“, принадлежащее перу г. С. Николау. При этом подчеркиваем, что как упомянутый орган, так и автор издавна и весьма симпатизируют России и русским, в чем могли легко убедиться знакомые с этой газетой. Упомянутая статья содержит в себе более резкие и определенные взгляды на русскую литературу, чем высказывавшиеся в нашем журнале до сих пор. Является в ней также небезинтересным, по нашему мнению, и несколько позднее высказание Е. Чирикова, полное сознание собственного бессилия в свое время помещенное в „Narodní Listech“, газете совершенно руссофильской, органе д-ра Крамержа. Этим признанием Чириков подтверждает правильность нашего суждения о роли русской литературы в большевицкой революции.

Обращаем еще особое внимание на ту горячность,

с какой автор статьи предупреждает чешских родителей, воспитателей и даже библиотекарей, у которых русская классическая литература пользовалась не только симпатией, но пред которой они просто преклонялись, перед скрытой, таящейся в русской литературе опасностью.

Указывает он и на то, что правительство Италии, заботясь о возвышении нравственного уровня своего народа, запретило дешевые издания русской литературы.

Неправда-ли, как странно, что „Обрыв“ Гончарова, „Отцы и Дети“ Тургенева, которые были предметом нашего изучения в гимназиях монархической России, становятся запретными много лет спустя в Италии и объявляются опасными в демократической республике Ч. С.

Однако, взглянем на русскую литературу трезвыми глазами незаслепленного европейца и мы увидим, что его страх перед русскими классиками безусловно основателен и что вся русская литература имеет в себе нездоровые, тлетворные зародыши нравственного разложения. Ничего неделание Обломовых, неспособность ни к какой полезной работе Онегиных, Печориных, Райских, Кирсановых и прочих, имя же им легион, нигилизм Базаровых, Волоховых, Карамазовщина, Смердяковщина и т. д., одним словом гниль и разложение. Ничего способного к созиданию, светлого, могущего сознать и чувствовать смысл и радость жизни. Тысячу раз прав автор нижеприведенной статьи, когда начитавшись русских классиков, он в ужасе хватается за голову со словами: „Госноди, да не сошел-ли и я с ума“? А ведь европейцы не успели еще ознакомиться с прелестями большевицкой литературы.

Вот почему в нашем журнале не раз уже раздавались голоса, предупрегающие казаков от ослепления русской культурой. Кажется она нам близкой, родной, своей, однако это лишь самообман. Наш разум должен взять верх над чувством. Нам надо сознать всю опасность для нашего национального развития от подобного заблуждения. Вырвать его с корнем и обратить взоры вглубь себя, своего народа. Нельзя себе представить какие широкие возможности перед нами, какие силы, какие таланты проснутся в народе, когда в нем разбудите здоровое национальное чувство.

Мнение о том, что Европа отживает свой век, что она находится в состоянии вырождения, создано только русским бахвальством. Мы, дескать, только умные, а все остальные дураки. Его происхождение следует искать в периодах допетровской Москвы, когда правительства, представители высших кругов общества и церкви в своем непреодолимом невежестве стремились изолировать себя от цивилизованного мира.

Оглянитесь кругом присмотритесь к жизни окружающих нас народов Европы и вы увидите, что они живут настоящей жизнью, они испытывают радости ее, работают и идут вперед. Взять хотя бы небольшую Чехословацкую республику. За коротких 11 лет какая огромная, неизмеримо важная работа сделана, сколько политических и культурных достижений. А мы мямлемся, как души в чистилище, ища выхода из созданного нами же положения.

Однако возвращаемся к статье: имеющие уши, да слышат и имеющие очи да видят.

Озаглавлена она осторожным, даже просто боязливым названием: „Немного ереси“..

„Печальное“ состояние русского народа, утонченно губимого пришлецами и авантюристами, принудило русскую интеллигенцию к размышлению о причинах этого падения. Однако не одна лишь русская интеллигенция, но весь свет задается вопросом: как это возможно, чтобы такая сила так стремительно рухнула и народ предал себя в руки людей, которые ним жестоко играют в своих опытах?

Раздается не один голос, что почву к этому приготовила и сама русская литература (разбивка автора) и что, например, учение Толстого „о непротивлении злу“ много содействовало бессилию необходимого сопротивления губителям народа. Однако, были здесь и другие стороны русской литературы. Так „Записки из мертвого дома“, так „Обрыв“, выделяющиеся глубиной мысли, прекрасной фразеологией, одним словом всем тем, чем русская литература заслужено заняла первое место на свете (!) (значек наш), должны были захва-

тить каждого читателя. Но только по прочтении одного из многих произведений, увидев русскую драму, с каким то ужасом задумается человек, нормален-ли и он, в чем же истина, и на чем основать свою житейскую философию.

Все анатомировано, все вытравлено, все измельчено, — вспомните хотя бы Толстого, как в конце концов все осудил, а сам гонялся за миражем. А если к этому причислим массу брошюр политическо фантастического содержания, с одной стороны, и произведения, мятущиеся в дебрях сексуальных вопросов, — как могла душа русской интеллигенции развиваться? Просто страшно желала она революции, но сама не знала чего хотела. Недавно прекрасно в этом признался Чириков в „Narodnfch Listech“ :

„Мы, писатели революционных настроений проходили мимо всего светлого, что нам представлялось на жизненном пути, игнорируя это светлое, утешительное, старательно собирали мы только отталкивающие факты и явления, которые нам были нужны для обвинения государственной власти и для смены политического устройства нашего отечества. Несмотря на то, что мы очень любили состоятельного мужика, который был всем доволен, мы пренебрегали фактами и событиями, при которых нельзя было правительству обвинить в каком либо насилии, самоуправстве, глупости или же взяточничестве.

Перед нашими глазами еще не развилась так ужасно вся та мерзость, какая обнаружилась теперь при царствовании „интернационала“. Мы были весьма чувствительны к каждой несправедливости (наше примечание: кроме чинимых целым народам, входившим в состав бывшей России, которых мы и теперь не хотим признать) и делали обыкновенно из мухи слона. Так это было как в нелегальной, так и в легальной прессе с той только разницей, что нелегальная печать, которой вообще не приходилось как либо считаться с цензурными условиями, не гнушалась никакими средствами и перед западн. Европой представляла Россию, ее царей и ее правительства, как жесточайшую варварскую тиранию, обрисовывали Россию, как сплошную и притом помойную яму во всех отношениях.

Этим обстоятельствам приходится повидимому благодарить за то лживое представление о России царских времен, которое и до сих пор существует в конце концов и между весьма образованными европейцами...“

Это признание действительно весьма характерно и для нас поучительно. Русская литература пользуется у нас большой любовью и вполне заслуженно за свою красоту. Однако все же надо быть с ней осторожным и особенно не давать русских классиков в руки молодым людям (курсив автора). Поэт Бржезина заявил, что она только для сильных характеров. Чем соблазнительнее речь, чем более прекрасны исследования человеческой души, тем глубже в то время заползает яд ипохондрии и неуверенности в собственном я, нерешительности в деятельности и выносливом труде, недостаток, который именно в последнее время наиболее чувствуется.

И по таком вскрытии людской души, где искать молодому человеку, житейски неопытному, твердое основание для своей жизни? Нет уверенности в себе, нет твердых нравственных устоев и грех и преступление можно оправдать философией. С этой только точки зрения можно судить о запрещении итальянского правительства издавать дешевые издания русской литературы, так как последняя легче всего попадает в руки людей небредивших, неопытных, незнакомых с жизнью.

Подчеркиваю здесь, против возможных упреков, что это не осуждение русской литературы в целом ее богатстве, однако убедительно советуем родителям, воспитателям и библиотекарям при рекомендации чтения быть весьма осторожными в выборе книг, которые дают детям и даже более зрелым. На юношество усердное чтение русских классиков действует иногда просто пагубно, и если бы вы наблюдали припадки ипохондрии у молодых людей обоого пола, весьма часто вы бы нашли корень зла в увлечении русской литературой.

Наше суждение может быть возбуждено злостью, но необходимо предостеречь от этой опасности именно в то время, когда и воспитатели в увлечении красочной слова и мысли упускают важность воспитательного момента для неперебродивших душ!

— Что еще можно к этому прибавить? Думаем, что ничего. Доводы достаточно убедительны и говорят сами за себя, тем более, что опасность для народа в широком смысле понимаемого в западной Европе, где чтение не является привилегией более интеллигентных слоев общества, от чтения русских классиков есть пряма и непосредственна, в то время как в бывшей России влияние в активном или пассивном смысле на народ было лишь посредственным. Говоря яснее, интеллигентные классы или распространяли среди народа пагубные аморальные идеи, почерпнутые из русской литературы или, благодаря своей неспособности к полезному и выносливому труду для народа, не исполняли в этом смысле относительно последнего своего долга. Теперь они получили жестокое возмездие. Ибо великая сила человека и целого народа — в способности и любви к труду, уверенности в себе, в своих силах, в твердых нравственных устоях.

Подкопано ли, разрушено все это у народа — он представляет из себя лишь аморфную массу, навоз для удобрения чужого поля. Интеллигенция такого народа, имея подобные недостатки в еще больших размерах, в еще большей степени не представляет никакой ни духовной, ни реальной ценности, так как кому больше дано с того больше и взывается. Обыкновенно она не пользуется никаким авторитетом у своего народа, не имеет на него никакого влияния. При первой же вспышке, при первом осложнении проявляет все свое бессилие и бывает вынуждена для сохранения собственной жизни спасаться за пределы своей родины. В этом мы имели возможность убедиться.

И потому мы настойчиво твердим: нам надо взгля-

нуть правде в глаза, а не блуждать в тумане прошлого. Нам давно пора искать своих путей. Много времени и без того уже потеряно на бесполезное выжидание под лозунгом русского „авось“ или „небось“. Теперь уже каждому ясно, что падение большевиков для России, кроме новой смуты еще долгое время ничего другого не принесет.

Нет сомнения в том, что русская нынешняя интеллигенция никогда не будет способна создать свое жизнеспособное государство тем более в прежних границах и устроить сносное существование для народа, ибо как и сама уже начинает сознавать, воспитана и подготовлена к отрицанию и разрушению, но не утверждению и творчеству. Да и теперь, после такого потрясающего урока, русская эмиграция ничему не учится, ничего не наблюдает, живет в каком-то своем самодовольствии, ничего не замечая, из того, что творится вокруг. Читаем, например, в „Бюллетене пражского земгора“ № 4 „... принятые на службу (в судах на Словакии) юристы испытывают затруднения в виду незнания чехословацкого языка...“

Мыслимое-ли это дело: десять лет жить между чехами и не знать, хотя бы ради приличия чешского языка, родственного при этом и тем более легкого, что основы его лежат в грамматике церковно-славянского языка, известного каждому, окончившему четыре класса русской гимназии. „Нет мы только по русски. Пусть нас понимают. Нас 200 миллионов (!)“ — И действительно, их уже начинают понимать, да только будут ли это им на пользу?

Но, кажется, это еще только цветочки, ягодки будут впереди, и весьма возможно, что по истечении некоторого, не весьма продолжительного времени, многие из нас, которых в настоящее время еще смущает самостоятельность, со вздохом облегчения скажут: какое счастье, что я могу себя назвать и считать самостоятельным.

Вл. Куртин.

„Шаг на месте“.

Редко кто из нас в свое время не маршировал. И не „обозначал шаг на месте“. Силы на такой „шаг“ затрачивается не меньше, чем на шаг с движением вперед. Даже, пожалуй, больше.

Ревностно бьешь ногами о землю, машешь руками... Пот с тебя льет, а все ни с места... Мало того: вместо одного „удара“ — раздроб. И никак, чтобы выправиться. И чем дальше продолжается „шаг на месте“, тем большая толчея. И уж редко кто сразу ответит — правая, левая где сторона...

А команды: „арш!“ все нет и нет.

Фельдфебель в лавочку зашел папирос купить и торгуется, или лавочнице подмигивает. А сотне „шаг на месте“ обозначать приказал.

Вот такой „шаг на месте“ обозначает и наше казачество за границей. Обозначало его и дома. И, как на грех, как раз тогда, когда движение было более, чем необходимо, т. е., у цели.

Начало движения вперед обозначилось у казаков (у всех казачьих Войск) одновременно. И цель у всех была одна и та же.

Собравшись в Петербурге, даже сами удивились: — „Как это так — без единой „репетиции“, даже не видя прежде друг друга, сразу „шаг взяли“ и единым общим языком заговорили“.

Хотя разбросаны то были от Терека до Уссури.

Для нас, хорунжих, сотников, да и есаулов этот общеказачий язык, направление и цель никакой такой „неожиданностью“ не было. Уже за время войны мы были свидетелями инстинктивного предугадывания казачьей массой событий, разразившихся после. Тогда же слышали и о направлении и о целях. В 17 году казачьи разговоры дошли и до ушей некоторых их правительств. Что позже то до них дошли — не удивительно: ведь дистанция от казака до его превосходительства была немного больше, чем от казака до хо-

рунжего. Да и сами-то хорунжие и сотники одним духом с казаком дышали, одну думку думали, в одном спасение казачества видели.

Ведите мол нас, господин генерал (т. е. фельдфебель) к осуществлению нашей мечты, к „отдельному общеказачьему государству, независимому от России...“ „Иначе — пропадешь. Перевернут нас „товарищи“.*)

Волей или неволей, повел фельдфебель свою сотню (как и другие фельдфебеля свои) в предложенном казачьим направлением. И все шло хорошо. Шаг отбивали дружно. Потому, что цель не нужно было вдавливать в головы. Она жила в сердце каждого казака. И „мечта о создании отдельного общеказачьего государства, независимого от России“, т. е. цель, была уж совсем на виду. Когда, вдруг:

— Шаг на месте!...

Толклись, толклись... Руками усердно махали. Заговорили что-то несуразное. И как раз обратное направление взяли. От осуществления своей мечты, т. е. своей цели, повернули к осуществлению мечты фельдфебеля, повернули к его цели.

Так было во всех казачьих „образованиях“. Шли, шли... Вот она, наконец, воплотившаяся многовековая мечта!... Не „образование“, а государство!... Как вдруг: „Шаг на месте!“

— Не могли создавать свое для себя. Создавай чужое — для чужих. По тому, за доблесть вашу... и т. д.

И повернулись казаки. И началось что-то вроде танцев „начинающих“ в танцклассе:

— Три шага направо, три шага налево, шаг вперед, шаг назад!...

Кружились, кружились, пока окончательно с панталыку не сбились... Запестрели разные стяги: белые, черные, красные, зеленые... Своего уж и не видать было. А кто видал, под шумок, два столба с перекла-

*) Г. Краснов: Записки.

диной получил: Зачем видел то, что видеть не полагалось?... Красные ведут, белые с черными распоряжаются. Зеленые под-ножку норвят дать.

Ну и очутились в чертовом болоте. А над болотом все тех-же цветов огоньки бегают. Да еще из цвета в цвет меняются. Белый мало по малу черней черного делается, а черный вдруг красным оказывается.

Метались из стороны в сторону, отступали — даже там, где на них никто и не наступал. Точь в точь, как в куропаткинских маневрах:

— В поле бес нас водит, видно;

Да кружит по сторонам!..

Верили всем. И, наконец, никому. Даже ни самим себе. И решили начать с начала:

— Вот вам, товарищи большевики, наши ружья и кинжалы. Мы на вас с голыми руками пойдем. Как и в начале. Потому, зная будем, куда идем и зачем идем...

И сдали оружие... А потом — целыми ватагами в плавни и в горы: оружие от говарищей добывать; свой край освободить...

А которые — по всему свету распозлись, мов раки. И почесывая за ухом, сами себя сирашивали:

А як же сяк

Зробилось так?

Не лучше обстояло дело и у фельдфебелей. Некоторые уж в Константинополе увидали, что между светлейшим крымским Слащевым и краснейшим крымским Бэла Куном разница не так-то уж большая... Так как-ж это собачья честь — сидеть на собачьем острове?..

— Пусть гласный суд общества рассудит!

И светлейший крымский шмыгнул к красным московским. А „общество“ рассудило:

Подлецу все — к лицу.

Другие, постарше, оставаясь в своем прекрасном далеке, нового Иоанна Калиту, Сталина Дугашвили, на собиране всем Великия и Малыя Руси благословили:

Укрепляй, мол, техническую мощь красной армии, ведь все равно она — русская. А белая или красная — не суть важно. Да и англичане, мол, не спят: не урвали бы что...

А у казаков с их фельдфебелями:

„шаг на месте“.

Потому, фельдфебеля приказали — никаких там целей не намечать. Никакое направление не выбирать. Но обозначать „шаг на месте“. Авось „Родина“ (чья?) и сама к нам пожалует.

И пока казаки только в песнях восхваляли свою „независимость“ — все шло хорошо. Никакой „политикой“ не пахло. А как только в этом усмотрели свою цель, самое оправдание своего „избеглицкого“ существования, как только вплотную подошли к старой „мечте“ — „погрязли в политике...“

И уж грозный окрик слышится:

„Не моги!.. Шаг на месте!“

Нельзя, мол, предопределять.

Этак, пожалуй, доживем до таких явлений:

Выйдет сеятель в поле и начнет пшеницу разбрасывать. А подойдет какой нибудь ортодокс:

— Ты это что-ж, за год вперед предопределяешь?.. Мало ли что может случиться!..

И, как дважды два, докажет, что гораздо выгоднее держать мешок пшеницы дома, чем верить в 20 мешков на другой год. Тут и непрочность финансов, и тлетворное действие всяких подземных и земных бацил... И сеятель оставит сеянье. Но, чтоб другие видели, что он все же тут и не даром, будет „шаг на месте“ обозначать и пустыми руками размахивать...

— Дела, мол, своего не бросаю. От заветов старины не отказываюсь...

„Козакуем“ — в прошлом. А в настоящем — „шаг на месте обозначаем“; о будущем же и заикнуться не смеем. Потому, это уж „политика“. А казак, почему-то, должен оставаться вне политики.

Да и какая-же это, прости Господи, „политика“ — быть сейчас казаком с тем, чтобы вернуться и жить — Вольным казаком!..

Ну почему мы топчемся на месте?.. Почему, подчеркивая свою борьбу за независимость в прошлом, у нас прилипает язык к гортани при упоминании неизбежности такой-же борьбы, с тем-же врагом, но действительно за свою независимость?

Разве Вольное Казачество делает что-либо, что идет вразрез с законами, выработанными Кругом или Краевой Радою, нами избранными?..

Иль не стало „власти“, с которой мы боролись?..

Или борьба окончена? И нам не остается ничего другого, как вслед за другими „укреплять мощь красной армии“.

Мы остаемся — ни то, ни се. Ни вперед, ни назад. Ни к Вольному Казачеству, ни к самодержавной неделимой (черной, белой или красной — какая разница!)

Или нам так уж по душе: „шаг на месте?..“

Не пора-ли всем в ряды Вольного Казачества? — Да дружно и стройно — вперед!..

М. Самсонов.

Очерк по истории физического развития и воспитания.

Первой заботой первого на земле человека было развивать, упражнять и закалять свое тело, что бы стать сильным, проворным, выносливым, чтобы сохранить себя, победить неприятеля и противостоять дикой природе. Природа дала право сильному, вложила во все живущее в мире величайший инстинкт физического самосохранения, обязав долгим и сильным, уложив ему физическое продолжение и сохранение своего потомства.

А разве в истории человечества было иначе? Разве в истории народов всех веков не преобладало право сильного? Конечно же — да!

В самом деле, заглянем в историю и перед нами яркой чередой пройдут поколения рас, народов и племен, сменивших друг друга. Что же за причина этой великой смены великих народов?

На эти вопросы беспристрастный свидетель времен — история — дает беспристрастный сухой ответ: „... жил там великий народ, воинственный и сильный, но пришел народ сильнее и воинственнее и уничтожил его...“

В обычаях всех народов, всех веков, у культурных и некультурных, сохранялись и передавались предания о людях, которые отличались сверхчеловеческой силой,

необыкновенной отвагой, или хитростью. Такие отдельные личности, наверняка, проделывали то, что и до сих пор является основной и существенной частью физического развития, посредством которого мы развиваем и укрепляем здоровье, силу, ловкость, гибкость тела и твердость воли. Некоторые совершенно бессознательно, грубой тяжелой работой закаляли и развивали свое тело, другие же сознательно шли к цели — достижение силы. Многих, долгих и упорных трудов и опытов стоило людям большого государственного масштаба, ученым, философам, воспитателям и докторам, пока, наконец, не пришли к заключению, что физическое развитие является прекрасным воспитательным средством для молодежи и взрослых.

Методы физического развития пережили длинный процесс многих столетий и, как всякое искусство, имеют свою историю.

Касаясь истории физического развития и воспитания, я хочу остановиться исключительно на народах культурных. Это, конечно, не значит, что народы некультурные не интересовались телесным развитием. Безусловно, многое в этой области найдем и у них, но культурный народ в этом направлении пошел дальше.

Из народов желтой расы хотелось бы остановить-

ся на китайцах и японцах, как больших народах, создавших свою собственную культуру.

Старая китайская культура, ее постоянность и неизменность на протяжении веков, равно как и позднейшие времена дают возможность вывести заключение, что китайцы посвятили и посвящают особенное внимание телесным упражнениям. Еще перед многими столетиями китайские императоры позаботились о физическом развитии своего народа, положив основы к систематическому его культивированию. Впервые у них появились вольные движения, разные способы дыхания и пр. Постоянными упражнениями китайцы достигли строгой точности в движениях, ловкости, проворства и необыкновенной отваги и подвижности.

Женщина в Китае является рабой и физическое развитие поэтому ни в коей мере ее не коснулось.

Большой интерес представляет в области физического развития и воспитания Япония. Япония, страна солнца, страна радости, детской радости и счастья с самого факта жизни. Японцы — дети природы.

С очень древних времен японцы учили свою молодежь борьбе, езде на конях, метанию копий и в особенности фехтованию разнообразными видами оружия. Просвещение, как таковое, у японцев очень молодое. Оно заведено по образцу европейскому, а в настоящее время Япония является образцом школьного дела. При министерстве просвещения учреждены отделы школьного физического развития. Они по примеру Германии, Англии, Франции, стараются при помощи физического воспитания создать и улучшить свою армию. Физическому воспитанию, гигиене и физиологии в Японии посвящается большое внимание и забота. На физическое воспитание они смотрят, как на воспитание национальное, в нем они видят источник своей мощи и могущество своего народного духа, а потому государство еще с 1878 г. открыло несколько школ специально для подготовки учителей гимнастики.

В школах начальных и средних гимнастике уделяется 3 часа в неделю. Гимнастика преподается по строгой системе. В младших классах преобладают главным образом совместные игры, а в старших снарядовая гимнастика и строевые занятия по военному образцу.

При школах гимнастические и теннисные площадки, где во время перемен, которые у них продолжаются 15 минут, дети самостоятельно упражняются на снарядах и играют в теннис, мальчики и девочки вместе. В Японии мы уже видим женщину — приобретенную физическую культуру.

Японцы с детства начинают закалять и тренировать свое тело, чтобы стать „сильной рыбой“, ибо сазан — символ силы у япончат. В плавании они очень выносливы и искусны. Развивают глазомер, быстрый бег и быструю сообразительность. Японцы известны всюду, как хорошие спортсмены и фехтовальщики. Проворство — подвижность их просто поражают. Любимым видом спорта, кроме фехтования, у них была греческо-римская борьба.

Боролись исключительно за честь и победитель и до наших дней получает в награду лук и колчан.

Еще в древности была известна у них борьба под именем „sumi“, которой учились дети школьного возраста. Эта борьба происходила всегда под открытым небом, на солнце. Борцы выступали без всякой одежды, только бедра были опоясаны пестрым широким поясом.

Лет 200 тому назад в Японии появился на свет новый вид борьбы „джиу-джитсу“. Этой борьбе японцы учатся по школьному возрасту (14—15 лет) исключительно с целью самозащиты. Борьба эта очень жесткая, грубая и очень опасная. Она основана на точном знании анатомии, и, главное, на тонком знании нервной системы и страшной быстроте в движениях. Борцы в Японии представляют собой особую касту, со своим особым уставом.

Японцы в спортивном мире считаются за старейших спортсменов.

Вот в кратких чертах главнейшие этапы истории физического воспитания и развития у народов желтой расы.

Далее перейдем к народам белой расы.

Возьмем древний Египет. В Египте ранее, чем в какой либо другой культурной стране воспитывали в школах мальчиков и девочек, как со стороны духовной, так и физической. Воспитание мальчиков и девочек в школах было совместное и направление чисто практическое. Мальчики под зором и руководством жрецов учились хорошему поведению, гимнастике и плаванию, в котором египтяне были очень способными. Письмена и рисунки древнего Египта дают нам возможность видеть какие гимнастические упражнения и пирамиды проделывали древние египтяне, какими правилами руководствовались при борьбе. Распространены были состязания в беге и перегибании канатом. Взрослые забавлялись стрельбою из лука.

Любимыми играми и забавами молодых девушек были игры с куклами и мячиками. Бросать и ловить мячики девушки были большие мастерицы и доходили в этом до виртуозности. Бросать и ловить 3 и до 5 мячиков одновременно для них было обычной игрой.

Мячики были у них кожаные, наполненные опилками или отрубями. Может быть были и др., но найдены были с мумиями только такие. (В Берлинском музее мне пришлось видеть такой мячик). Большого искусства египтяне достигли в танцах. Они создали свой стиль, который сохранился и до нашего времени. Их религиозные танцы исполнялись людьми, посвященными божевам и обученные жрецами.

Египет страна пластики, красивых линий и ритма. Не без интересно отметить, что египетские рисунки изображают фигуры мужчин и женщин очень маленькими, грациозными, на них не встретишь хорошо развитой мускулатуры, людей физически сильных или упитанных.

У народов семитского племени даже у самых культурнейших, ассирийцев и вавилонян, не находим непосредственных источников, которые бы указывали на существование определенной системы физического воспитания и развития. Сохранившиеся барельефы и статуи большую частью изображающие войны и военную жизнь, дают возможность вывести заключение, что юношество и взрослые состязались в беге, в верховой езде, в езде на колесницах, в кулачных боях, в стрельбе из лука, в плавании. Любили также гоняться за дикими зверями и львами, при чем на зверя ходили с дротиками. В метании дротилов они были совершенны. На статуях и барельефах обычно изображались фигуры с необыкновенно большими мускулами и суставами. Трудно допустить, чтобы на самом деле люди отличались такой мускулатурой, но это дает возможность предполагать, что идеалом ассирийцев и вавилонян были именно люди, подобные легендарному охотнику Нимчоду, одаренному Богом такой силой, что побеждал львов и диких быков голыми руками.

Евреи не были сторонниками физического воспитания и воспитания. Гимнастические упражнения у них были совершенно недопустимы. К греческим гимнастическим упражнениям они относились с отвращением, смотрели на них как на нечто бесстыдное, безнравственное. Зато сыны израиля были великолепными стрелками из пращи. Охота и ловля эверей никогда не интересовала еврея. В самом деле, очень характерное явление, ведь даже и в наше время вызвало бы не двухсмысленную улыбку у каждого, если бы услышал рассказ о еврее охотнике.

Во время могущества Римской империи евреи подпадались обычаям римлян и многое от них восприняли. В Иерусалиме, напр., была гимназия, появились гладиаторы и т. д. В наше же время евреи очень прилежно и усиленно занялись спортом, играми и гимнастикой. Организовывают гимнастические общества „Маккаби“ и даже устраивают публичные выступления по образцу Сокольских.

Народы арийского происхождения для удобства разобьем на две группы, азиатскую и европейскую. Из народов азиатской группы проследим физическое развитие и воспитание у индусов, парфян, скифов и персов.

Индусы хорошо были знакомы с фехтованием, часто устраивались состязания в беге. Интересно отметить, что состязались за женщину. Очень любили музыку, танцы и особенно игру в кости, которая стала страстью народов индоевропейского племени. Но их

беспечную жизнь, хороводы и танцы фанатики-брамины совершенно уничтожили, а вместе с этим и физическое воспитание пришло в полный упадок. Женщина образование было запрещено, за исключением танцовщиц-боядер, которые были предназначены с одной стороны к тому, чтобы своими священными танцами прославляли Бога, очищали и освящали храмы, а с другой стороны, забавляли и развлекали пугешественников, знатных гостей. В области физического воспитания и развития ничего своего не оставили.

Парфяне были отличными стрелками из лука и прекрасными наездниками. Их войско представляло легкую быструю конницу.

Подобно парфянам и скифы, жившие около Черного моря, отличались меткой стрельбой из лука и наездничеством. Скифы стреляли на скаку, к тому же с обеих рук. Скифов часто приглашали за учителей стрельбы в Мидию, в царские семьи. Женщины у скифов тоже упражнялись с оружием, ездили на конях и охотились.

У персов гораздо большее внимание обращалось на физическое развитие и военную подготовку, чем у предыдущих народов индоевропейского племени. В воспитании аристократии у персов (по Геродоту и Ксенофону) особое внимание обращалось на то, чтобы говорил всегда только правду, чтобы хорошо стрелял из лука и был бы отличным наездником. С семилетнего возраста мальчики аристократов отдавались в государственную школу, где, под конгрозом царя, старые искусные опытные аристократы руководили воспитанием. Воспитанники таких заведений жили в строгом режиме и дисциплине. При скромном и однообразном питании они должны были ежедневно проделывать большие походы под палящими лучами солнца, учились обращаться с оружием и ездить на конях. С 15 лет выходили из школы и до 25 лет посвящали все свое время гимнастике и военным упражнениям. Но вся эта военная, строгая жизнь, суровая дисциплина, предавалась забвению, как только аристократ получал „теплое“ месечко. Начинать отъедаться, жиреть и предавался блаженной лени.

Персы считались очень хорошими и быстрыми наездниками. Имели прекрасных и дорогих лошадей. Игры были распространены у персов, особенно игры на конях. Одна из игр была очень похожа на современную игру роло. Игра заключается в том, что на ровном месте забивались в землю два кола, между ними клали шар и наездники на полном карьере должны были ударом прогнать этот шар между кольями. Молодежь скакала на конях около насыпанной кучи песку и на ска-

ку пробивали стрелами из лука положенные на нее глиняные горшки.

В плавании персы были очень слабы, вероятно потому, что они были жителями пустынь. Есть указания, что они воды боялись и погружаться в воду не решались.

К европейской группе арийского происхождения относятся македоняне. Этот народ был статный сильный и выносливый. Воды не боялись, а наоборот купались исключительно в холодной воде. Среди них уже находим отважных пловцов, как мужчин так и женщин. (Александр Македонский был прекрасным пловцом). О македонянах сохранились предания, как о прекрасных стрелках из лука. Так, напр., о Филиппе II существует предание, что ему выбил правый глаз один из македонян по имени Астер из Амфиополя. Молодой Астер просил Филиппа II-го принять его в свое войско, как великодушного стрелка. Расхваливая себя, Астер сказал: „Я никогда не дал промаха даже по летящей ласточке“. Филипп рассмеявшись ответил: „Приму тебя тогда, когда буду воевать с ласточками“.

Оскорбленный македонянин поклялся отомстить царю. Во время осады одного города Филиппом II, Астер, пробравшись в осаждаемый город, со стены пустил стрелу из лука с надписью: „В правый глаз Филиппа“. И царь лишился правого глаза.

Македоняне были также хорошими наездниками. Вог в коротких чертах о этапах истории физического развития и воспитания у древних народов, которые фактически не создали и не оставили ничего определенного в смысле системы и научных обоснований физического развития и воспитания.

Характерно лишь только то, что у всех народов было стремление к развитию физической силы, проворства и ловкости, но настоящей оценки важности и необходимости систематизации, физическое воспитание и развитие не получило. Все они шли к здоровью и силе примитивными путями, руководствуясь и подчиняясь только инстинкту и необходимости борьбы. Красота и гармония человеческого тела и духа были им чужды.

Другую картину в истории физического воспитания и развития представляют народы древней Греции и Рима. С эпохой процветания этих великих народов связана эпоха культа тела и духа, красоты и силы, здоровья и чистоты.

Греция создала прекрасный Олимп. сделала человека божеством, а божество человеком. Любовь родила красоту, а красота стала силой!..

(Продолжение следует).

В. Карпушкин („Терец“).

Странички прошлого.

„Маленькое событие“.

Это „маленькое“ событие произошло осенью 1916 года.

Вторая рота Владикавказского кадетского корпуса погрохалась после вечерних занятий к ужину. После определенных церемоний при построении, фельдфебель получил разрешение вести роту в столовую и: „Направо! Ряды взводь! Шагом марш!“ — мы отправились ужинать. На столах был приготовлен чай, налитый в белых массивных корпусных кружках, французские булочки и кусок черного хлеба. После молитвы, основательно проголодавшиеся, набросились мы на чай и французские булочки и... о, ужас! Чай с запахом керосина! Как это случилось, что в чай попал керосин, так и осталось тайной. Может быть служитель, расставлявший на столы кружки, перед этим манипулировал с керосином, а потом, расставляя кружки, оставил на последних керосиновые следы или же другой служитель убирая кружки, вымыл их по ошибке в керосине, но как бы там ни было, чай мы пить не могли. Обратились к служителям, чтобы чай переменяли, но результата из нашего обращения не получилось никакого.

Старшим за столами ничего не оставалось, как понести чай дежурному офицеру „на пробу“, чтобы убедиться, что чай пить невозможно. — „Ничего не чувствую“, — сказал дежурный офицер, — „ступайте на места!“

Вот тебе и фунт изюму! Взорвало нас это. От стола к столу понеслось „тайное приказание“ — „вылить чай на стол!“ Сказано — сделано.

Каждый вылил содержание своей кружки на стол или под стол и... закусил французской булкой... Молитва, команды и мы отправились в роту. Не успели еще разойтись после вечерней молитвы, снова раздалась команда: „Строиться!“ Появился ротный командир. Все чувствовали, что что-то будет, но что, никто не мог определенно сказать и все недоумевающе переглядывались. Повели нас в столовую к нашему неопределимому удивлению. „Да неужели дадут нам теперь „хороший“ чай?“ — думал каждый. Да, чай нам дали и очень „хороший“.

Зашли мы за столы... Мокрые скатерти на столах, пожелтевшие от разлитого чая были доказательством нашей „проделки“. Появился директор корпуса, ген. м.

Троцкий-Сенютович, присланный к нам в корпус с фронта в чине полковника и произведенный в генералы уже в корпусе, как злые языки уверяли — за „боевые отличия“ (бил немилосердно солдат). Пришел, увидел, победил. Приветствия, конечно, никакого. Оказывается, что мы совершили „преступление“, требуя переменить чай, который не могли без отвращения глотать. Мы — „бунтовщики“... „привыкли по станицам черный хлеб жрать, а здесь чай не нравится“ и т. д. и т. д.

Из громовой речи директора мы — казаки оглично поняли, какого мнения „Их превосходительство“, интеллигентный представитель „великого русского народа“ о нас, в частности и казаках вообще. На казаков сыпалось оскорбление за оскорблением... И мы, придя в роту, возбужденные и взволнованные, заговорили. Собирались группами в разных углах рогной залы, в классах, в коридорах, обсуждая данное событие и, наконец, решили, что это дело так оставить нельзя. За оскорбление нанесенное казакам, директор должен получить соответствующее возмездие.

Было решено написать обо всем по станицам, потом членам-казакам Госуд. Думы: Харламову, Караулову и Бардижу и атаманам Войск. Теперь, конечно, берет сомнение в том, что „петроградские“ атаманы в то время нам — казакам оказали бы поддержку, но тогда в своей наивности мы видели в них „наших атаманов“.

Укладывались мы спать шумно. Дежурный офицер-неказак, чувствуя, что страсти разгораются, напоминал нас к порядку, но весьма деликатно.

На другой день утром пожаловались мы воспитателям казакам и заявили в резкой довольно форме, что, если директор не извинится, то может из-за чая случиться большой скандал. У нас в отделении на доске была надпись:

„С Малки, с Терека, с Кубани
Собрался казаки
Отомстить за поруганье
Своей вольной старины“.

Настроение было повышенное. Среди воспитателей произошел раскол, ибо офицеры-казаки почувствовали себя тоже оскорбленными. Начались совещания и переговоры с директором и, очевидно, на директора повлияли сведения о нашем настроении. Понимая ответственность своего положения, как директора корпуса, ген. м. Троцкий-Сенютович изволил перед завтраком извиниться. Между прочим заявил, что его предки тоже были „малороссийские казаки“ (это „Троцкий-Сенютович“ — то казак!) и что казаков оскорблять не думал. Извинение его, конечно, было составлено в такой форме, что мы остались виновными в нашем проступке, но все же мы почувствовали некоторое удовлетворение, когда видели „русского генерала“ извиняющегося перед „казачишками, привыкшими по станицам жрать черный хлеб“.

„Жрали“, может быть, мы по станицам черный хлеб, да свой собственный и еще г. г. Троцких-Сенютовичей откармливали.

Думы и мысли.

А. Золотов.

ДОНУ.

(К всеказачьему празднику).

Раньше времени Ты, Старина, поседел,
А в последние годы совсем побелел.
Тяжело Ты дышал под Московской рукой!
Перебои Ты в сердце нажил под Советской пятой!
Потерпи же немного. Ведь зарница уже занялась!
А как солнце блеснет, земно Творцу поклонясь,
Мощной рукой судостатово иго мы сбросим!
Всех, продававших Христа, как бурьян под корень мы
скосим!

Все до тла мы сожжем и пепел по полю развеем,
А землю, вспахав, семенами Воли златой вновь подсеём!
А потом в Москве в беседушке мирной мы скажем:
Воля — наша святыня, за нее поголовно все ляжем!
Она воздух для нас. Без нее на Дону нам не жить:
Иль ее защитит, иль в неравном бою свой живот
положить!

КУБАНИ.

(К всеказачьему празднику).

Многоводная, Раздольная! что невесело течешь?
Волны легкие, игривые — словно тяжесть ты несешь?
Иль думы крепкие мешают, что запали тебе в грудь?
Иль решила Ты весной избрать новый себе путь?
Скучно Мне, что проходит даром время!
Что страхнуть давно-бы надо унижительное бремя!
Скучно Мне, но душою постоянно Я сильна, бодра,
И сознанием высоким Я полна горда:
Небеса-ль падут на землю, иль провалится земля,
А Кубань путям прадедов не изменит никогда!
Я останусь всегда Вольной и с рабами не пойду:
Скорей высохну на месте, иль другой простор найду!

ДОНУ И КУБАНИ.

Среди степей широких, где птицы вольные парят,
Две реки могучих, сверкая волною шумят!
Эти реки связаны родством кровным меж собой:
Дон Седой — Кубань Широкая, словно брат с сестрой!

— Слышу звуки странные! Дону молвила Кубань.
— На горе иль на радость несутся они в даль?
— Эти звуки радостны: всеказачий то набат,
Сразу загоревшись, молвил Старший брат:
„Полно нам Сестра-Кубань под опекой быть!
Все права имеем мы, чтобы вольно жить!
Мать родную нам хотелось — мачеху нашу!
У Московии надменной нет ни сердца, ни души!
Довольно лицемерия, довольно наглой лжи,
Довольно издевательства над вольными людьми!
— Верно, верно, Старина, с сердцем молвила Кубань:
„Не сочтешь и не оценишь принесенную ей дань?
Ну, плотней! Рука с рукою! Цепь порвать пора!
Цепь рабам, а Вольным — Воля и казачье ура!“

И. Шариков.

* * *

Над Доном склонились плакучие ивы,
Под ним сидят три донца,
Поют они песни... печальны мотивы —
Тоска в них о воле, и грусть без конца.

Поют они песню о забытых могилах,
Погибших бойцах за казачьи заветы,
О степи широкой, зеленых долинах,
Станицах плененных, что взяли советы.

И слышется клятва в их песне святой. —
Прославить погибших бойцов,
Восстать против власти — тирании злой,
За волю казачью — заветы отцов.

Над Доном склонились ивы,
Кольша листвою над водой,
И шепчут: найдите могилы,
Погибших за Край свой родной.

Казакія.

Звезд я с неба не срываю,
На дно моря не ныряю,
По характеру простак,
А душою всей казак.
Край люблю свой бесконечно
И приветствую сердечно
Казаків Родных.

... Поступаю и даже мыслю без претензий и если сейчас коснулся некоторых сторон казачьей жизни то только потому, чтобы знали основы мышления обыкновенного казака.

Независимость — идея, несомненно, высокая и кто же ее не лелеет? Видежь свой Край без „опекунов“ приятно не только лакеям, а я все же не из них. Нужно только руководствоваться здравым смыслом, потому что в каждом деле есть всякие „но“, а если так то не все может идти гладко.

Независимость. Что может быть выше духовной независимости, а в особенности от таких опекунов, которые ставят зависимых в положение второ и даже третье-сортного люда. Наглость их всегда будоражила гордый казачий дух, а если исходить из него, то при независимости перспективы неисчерпаемы.

На страницах журнала „В. К.“ часто указывается, как например, на несколько маленьких государств — Болгарию, Финляндию, Литву, Латвию и др., а на этом основании противники В. К. стараются убедить, что и В. К. стремится к созданию таких же отдельных маленьких государств. Но, если подробнее вникнуть в жизнь этих государств, то разве это жизнь? Нужно ли казачеству прозябание в маленьких самостоятельных Войсках — государствах?

Раздельность существования ведет и к дальнейшим дележкам; у каждого Войска есть свои богатства „ископаемые“, „изрубаемые“, „изливаемые“ и всякие прочие и если в основе лежит — делижь, то можно ли надеяться, что все будет делиться с другими? Разделение может в корне подорвать и всю работу идеологов независимости, и что это будет так, тому в поруку моя голова. Если бы люд был в наших Краях хотя бы так культурен, как культурно казачество, тогда бы победы и при раздельности, но не надо забывать что значительное количество населения иного уровня и склада и по политическому мышлению, к сожалению, монолита с казачеством не представляет.

Конечно существуют „лимиграфы“ тоже не однообразные, не имеют почти никаких природных богатств и даже должно развитой промышленности. Сколько у них уходит средств на содержание только одного государственного аппарата и зарубежных представительств? — а ведь раньше в губерниях и губернатор был в тягость.

Но из этого не следует что казакам надо быть пессимистами и сидеть сложа руки, надо только посмотреть как живут другие народы и устраивают свои государства. Хотя бы вот та страна, которая меня притянула — Канада, это колония Англии, но что в ней английского? — язык?, но и французские провинции имеются, а законы ничего общего с Англией не имеют, только одна общая лояльная политика соблюдается, мало того, что не одно и то же, что в Англии, но и отдельные провинции между собою очень разнятся по своему укладу и законодательству. Напр., суд одной провинции — один, а в другой совсем иной; в одной провинции сухой режим, а в другой совершенно наоборот — свободная продажа спиртного в любом количестве и любого качества; при неисполнении закона

в одной провинции виновники очень строго караются законами, а в другой это самое совсем не является преступлением. Ну это колония, а по соседству, через реку, лежит другая совсем страна — вижу ее сейчас в окошко — республика Северо-Американские С. Штаты. Что творится там?

„Законодатели“ нашей бывшей Метрополии или лопнули бы от непонимания или стали бы служить молебны... Каждый штат со своими внутренними законами — государство в государстве и ничего от этого не случается, тогда как у нас, в былом, только один намек на самобытность, не говорю уже, намек на нечто подобное приводил законодателей в иступление и предавался анафеме. Да и теперь еще не угасла эта искра у них, когда они о ценнейшей жемчужине — „казачьей самостоятельности“ говорят с негодованием и трясущимся подбородком: „Ка-а-а-зачки!, по-о-о-одедели! самостоятельными быть за-а-ахотели!“. А как подумаешь — ведь не нужно было много ума, для того чтобы понять, каким образом у казачества народилось подобное движение — они то и виноваты были. Глубоко сидит эта „метрополная“ закваска и никак не идет ни за жизнью, ни за разумом, никаких компромиссов не хотят, — эх! горе „мужи государственные“.

Если бы нашей бывшей „матушке“ да был навязан строй жизни Америки (ничего, что без небоскребов и электричества, само бы образовалось), вот тогда бы ни звуком не протестовали казаки и принимали бы все искренне; там бы мы были такими же независимыми, как американцы в своих штатах — провинциях, о чем каждый наш казак мечтает. Это бы было государство поосновательнее Америки. А теперь что?

Удивительное дело „престолонаследие“ Москвы! Большевики как по расписанию повторяют заветы Москвы бывшей и в жизни, и в управлении, в промышленности словом шаг в шаг, нога в ногу со старым временем. Жизнь — верхи (дворянство — коммунисты), низы — Россия; централизация в полнейшем смысле слова — ни звука, ни слова, ни малейшего проявления с мест и мыслей сторонних; промышленность иностранцы, а свои ни к чему не способны. Идиот, но лишь бы немец, англичанин, француз, а свои гиганты на запяках! Им дают концессии, приносящие полный убыток народному хозяйству, а своим — ничего; призывают американского миллиардера — землевладельца, который к слову сказать, в земле понимает, как слон в Библии, а наилучших земледельцев-казаків, владельцев этих же самых концессированных земель, частью уничтожили, а частью разорили в конец.

Все это надо помнить тем, кто намерен строить свое самостоятельное казачье государственное существование и ни в коем случае не проводить „заветов“ Москвы и большевиков, тогда будет Казакия!

Надо творить своими силами Союз Казачьих Войск-Государств, так как сотворили союз государств-штатов в Америке; тогда и подхалимы московские не страшны, все эти самые „филимоновы“, „абрамовы“... Водятся они среди казаків со старых времен, хоть и под разными фамилиями.

В основе идеи казачества прежде всего должны быть казаки, а там будет видно какие отношения построить с „Метрополией“, в крайнем случае порвать резко не только можно, но и нужно бывает. Ни „опекунов“, ни „покровителей“, ни „контролеров“, с своей судьбой мы, Казаки, должны распоряжаться сами, и строить свой Государственный Казачий Союз самостоятельно.

Е. Булавин.

Канада.

Братья-казаки! Читайте и помогайте распространять среди казаків журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Пусть не будет казака, который бы не читал своего журнала.

Читатели, сообщайте в редакцию адреса своих знакомых и приятелей, которые еще не получают журнал „В. К.“

Международная жизнь.

Великобритания и С. Штаты.

Первым шагом Хувера, принимавшего бразды правления в свои руки, было обехать Южную Америку. Одним из первых шагов Макдональда явилась его теперешняя поездка в С. Штаты.

Обе поездки весьма знаменательны для исторического момента, переживаемого обоими странами. Хувер ездил для того, чтобы ознакомиться и подготовить почву для более успешного проникновения американского капитала в Южную Америку, — очередного этапа развития американской политико-экономической экспансии. Непосредственного и официального повода для поездки Макдональда не было. Он ехал „просто так“, „в гости к Хуверу“. Но и его поездка связана с очередным этапом истории Англии: с проблемой англо-американских отношений нашего времени. А об этих отношениях еще не так давно (18 мая) английская газета так писала: „Между САСШ и Великобританией не существует с точки зрения здравомыслящих людей какой либо угрозы или какой либо возможности войны. Однако, было бы тщетно утверждать, что англо-американские отношения вполне удовлетворительны. Пока атмосфера соперничества будет господствовать между двумя большими нациями общего происхождения, но разделенных на протяжении веков совершенно своеобразной политической и социальной формацией, мир не будет иметь действительного мира, ожидаемого и необходимого“. Немецкий министр военных дел идет еще дальше. В похищенной и опубликованной в свое время его тайной докладной записке правительству относительно постройки крейсера, прямо стоят нашумевшие слова о том, что „современные англо-американские отношения рано или поздно приведут к войне этих двух колоссов“.

В чем же опасность, или говоря мягче, „неудовлетворительность“, этих отношений? Дело сводится, мы бы сказали, к экономической борьбе за политическое мировое первенство. Чтобы понять эту борьбу и позицию обеих стран, нам нужно окинуть взором послевоенное развитие обоих государств.

Доведенное до высших ступеней начало индивидуальной инициативы, умелое использование военной и послевоенной конъюнктуры, всесторонняя разработка

природных богатств государства и последовательная рационализация всех сторон экономических процессов необыкновенно выдвинули СШтаты и создали им невиданную доселе экономическую мощь, мощь тем более подчеркнутую, что остальные участники Великой войны оказались в ее результате сильно потрепанными, без различия победители и побежденные. Какую бы мы не взяли сторону хозяйственной жизни СШтатов, везде их достижения прямо поразительны. Общий национальный доход страны за последнее двадцатилетие возрос больше чем в 3 раза. Уже в 1926 г., когда доход Великобритании по данным о подоходном налоге составлял приблизительно 10 миллиардов долл., доход СШтатов превосходил его в 5 с лишним раз, даже в переводе на штандартные единицы.

Если лондонский Сити и восстановил, благодаря совершенству английской банковской системы, свое было потерянное первенствующее значение, как мирового центра расчетно-денежных и финансово-политических транзакций, то все же нельзя забывать, что финансовая мощь пяти крупнейших английских банков („Big Five“), державших раньше в своих руках чуть не все финансовое хозяйство света, теперь определяется лишь в 6—8 миллиард. долл. в то время как банковская система СШтатов располагает ресурсами кругло в 75 млрд. долл.

Приблизительно 50% мирового золотого запаса находится в СШтатах, а Английский банк на наших глазах прибегает к такому сильно действующему средству, как значительное повышение учетного %, чтобы приостановить катастрофическую утечку золота из своих подвалов.

Сравнивая сумму государственного долга СШтатов с суммой государственных и частных иностранных эмиссий, мы увидим, что СШтаты являются единственной страной в мире фактически не имеющей государственной задолженности, ибо цифры нетто совпадают.

Бюджет Заокеанской Республики совершенно исключителен и позволяет прогрессивно уменьшать налоги. Во всех главных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности СШтатам принадлежит первое место. Приведем следующие характерные цифры, сравнивая хозяйство СШтатов со следующей за ними по данной отрасли страной и Англией:

	1913	1926	1927
Мировая добыча чугуна в милл. тонн			
С. Штаты	30,6	39,1	36,6
Германия	19,0	9,4	12,9
Великобритания	10,2	2,4	7,3
Мировая добыча стали в милл. тонн:			
С. Штаты	31,3	48,2	44,4
Германия	18,6	12,1	15,9
Великобритания	7,6	3,5	9,2
Мировая добыча нефти в милл. барилл.			
С. Штаты	—	770,8	905,8 (72,23% мир. доб.)
С. С. С. Р.	—	64,3	—
Мировая добыча угля в милл. тонн.			
С. Штаты	517,0	601,0	556,8
Великобритания	292,0	128,3	260,0

Далеко позади себя оставили СШтаты другие страны и в иных видах промышленности, особенно в сфере автомобильного дела и прикладной электротехнической промышленности. Стоимость обработанных участков земли в Заокеанской Республике достигла в 1927 г. 50 млрд. долл. 48% общей продукции страны на иностранные рынки. И нет ни одной отрасли мирового хозяйства, где бы не ощущалось известного рода контрольное влияние СШтатов. Что же удивительного после этого, если и политический престиж их поднялся так высоко?

Посмотрим теперь на Великобританию. Говорить о ее „слабости“, конечно, не только преждевременно, но и просто неправильно. Однако в то время, как политико-экономическое развитие СШтатов идет в беспрепятственно бодром и живом темпе, в Великобритании начинают явно ощущаться процессы изживания самое себя, наблюдается какая-то старческая дряхлость в сравне-

нии с СШтатами, и неумолимо встает вопрос реконструкции политического и хозяйственного организма. И тут мы не можем рассматривать явление в целом, обратим внимание лишь на наиболее характерные симптомы.

Сила Соединенного Королевства покоится на продуманной системе отношений метрополии к доминионам, колониям и протекторатам.

В экономическом отношении эта система создает из Великобритании единую мировую империю с рядом довольно независимых частей, но в то же время связываемых в хозяйственное целое путем координации из центра. Теперь на этом фронте не все благополучно. Так напр., один из наиболее „кровных“ и важных английских доминионов, Канада, уже определенно становится доминионом американским и явственно выпадает из общеимперского целого. Канада постепенно, но верно втягивается в орбиту хозяйственной жизни С.

Штатов. Не помогает и система покровительственных в отношении метрополии тарифов. Экспортирует Канада в Англию и СШТаты приблизительно одинаковое по ценности количество продуктов, но за то импорт ее из СШТатов растет за счет импорта из метрополии и уже в 1927 г. в 4 раза его превосходил (Импорт из Англии: в 25/26 г. — 163,7 м. долл., в 26/27 — 163,9 м. д.; из СШТатов — в 1925/26 — 609,7 м. д., в 1926/27 — 687,7 м. д.). Иначе говоря, американская промышленность вытесняет и уже основательно вытеснила английскую с канадского рынка. В отношении инвестирования капиталов Англия еле-еле сохраняет в своих руках отдельные отрасли канадского нар. хозяйства, большинство же предприятий перешло в руки американцев, помещение капиталов которых в Канаде в 1928 г. лишь немного уступало сумме вложений в Европе. Иммиграция из Англии в Канаду обнаруживает тенденцию к падению, а немалый % прошлой иммиграции, ирландцы, едва ли будут тревожиться отрывом от метрополии. Так обстоит дело на западе Империи.

Посмотрим на Восток, в Азию. Проблема взаимоотношений с населением своих восточных колоний была всегда тяжела для Англии. Теперь наступает время как „вероятных осложнений в будущем“, которые предсказывали многие английские политики, нападая на недопустимый дух нетерпимости, обособленности и какого то болезненно-гордого расового чувства своей нации в отношении народов востока. Технические и организованные начала, внесенные Англией на Востоке и упорядочившие до известной меры тамошнюю жизнь, не оправдывают в глазах большинства туземцев политики, направленной всецело в сторону обеспечения интересов метрополии в ущерб интересам туземцев. Как напр., держит Англия в своих руках в экономическом отношении Индию видно из того, что путем покровительственных пошлин иностранная конкуренция на тамошнем рынке почти устранена и английский импорт превышает иностранный в 50 раз. И прежде пассивная масса переходит к сопротивлению. Нередко газеты приносят известия о террористических актах, население отказывается платить налоги, бойкотирует английские товары, вождь националистов Ганди разжигает массы своими пламенными речами, направленными против англичан. Опытная рука английских политиков и в такой обстановке сможет еще сделать многое, но именно необходимость что то делать новое, и делать немедленно, мы и хотим подчеркнуть.

Так обстоит дело на востоке Империи на западе, так и везде. Нигде нет реальных опасностей, нет бо-

лезни, но симптомы ее приближения проскальзывают всюду.

Сумма иностранных инвестирований Великобритании превышает вложения СШТатов еще на 50%, но вложения последних растут быстрым темпом, в то время как первой — остаются почти без перемен.

Английские нефтяные группы сильны по прежнему, но им приходится следить за каждым шагом Стандарт Ойл К-о, ибо при малейшей „ошибке“ американцы вырвут позицию. Английский химический трест силен как и раньше, но и всюду и везде ему становится поперек дороги американско-германский, вновь созданный химический синдикат. Традиционное господство Англии на морях поколеблено. Старая формула равенства английского флота соединенным силам двух самых сильных морских держав уже потеряла свою осуществимость благодаря наличию могучего флота у СШТатов. Вот симптомы „опасного англо-американского соперничества“.

Никакая конференция и никакой с'езд не смог бы предложить по данному вопросу программу его разрешения. Проблему пожалуй надо не решать, но просто снять с повестки дня, превратив соперничество в сотрудничество. Повидимому так и обстоит теперь дело, так и надо понимать поездку Макдональда. Она не будет ознаменована, как сказал сам Макдональд в своей речи в Н.-Йорке, ни подписанием договора, ни заключением союза. Но она может дать иное направление развитию международной политики. Не даром ведь на первом месте довольно скромных газетных сообщений о „частных“ беседах Макдональда с Хувером стоит тема об ограничении морского вооружения. Заговорить об этом, значит взять быка за рога, ибо морская мощь и возможность провести блокаду испокон веков было главным оружием английской политики. Перед таким вопросом и вопрос об отношении к красной Москве, что тоже не может быть обойденным при встрече обоих государственных мужей, пожалуй отступает на второе место.

Беседы Макдональда с Хувером за рыбной ловлей в гостях в имении последнего едва ли смогут быть достойным печатю, но поездка и встреча их может внести много новых настроений в политику и Великобританию, и СШТатов. Во всяком случае поездка Макдональда может стать первым этапом на пути перестройки англо-американских отношений.

Отношения же эти для нас тем более интересны, что разговаривать о нашей нефти с теми, или другими, а нам когда то придется.

Инж. Бейсуг.

Казачья эмиграция.

Календарь - альманах „В. К.“ на 1930 год.

Печатается и в первых числах декабря поступит в продажу „Календарь-альманах Вольного Казачества на 1930 год“. Кроме обычной календарной части, литературно-политический сборник-альманах будет содержать богатый материал по истории Казачества, по экономике Казачьих Земель, историческую географию К. З. и много другого материала из истории и современного положения Казачества. Точно также достаточно полно будет представлена и литературная часть сборника.

Каждый казак, кто хочет знать о Казачестве больше того, что знает о нем сегодня, должен приобрести и прочитать „Календарь В. К. на 1930 год“.

Обращаться нужно будет в редакцию „В. К.“

О Платовцах.

Брюссель, 15-го октября.

9-го и 10-го октября Донской казачий хор имени Атамана Платова дал два концерта в здешней Королевской Консерватории. Несколькими днями раньше я получил номер 43—44 „Вольного Казачества“ с напечатанной в нем статьей о Платовцах коллеги моего по журналу, М. Самсонова. Нужно ли говорить, что статья эта произвела на меня ошеломляющее впечатление? Ведь еще недавно, в одном из последних номеров „В. К.“ белградский корреспондент журнала, возносил Платовцев, можно сказать, до небес; а теперь, стараниями М. Самсонова, этот же самый хор, с теми же исполнителями и с тем же репертуаром, отчитывается „за мое почтение“.

Я решил пойти на оба концерта, чтобы увидеть все своими глазами и услышать все своими ушами. Увидев же и услышав все, пришел к тому заключению, что коллега М. Самсонов не совсем справедлив в своих суждениях и если и не перешел, так сказать, через край, то уж во всяком случае сильно сгустил краски.

Прежде всего, лично я не нахожу, что казачьи песни „вкраплены“ в программу хора на манер „привесочек-погрешек“. Кострюков включил в свой репертуар самые эффектные казачьи песни, пользующиеся большим успехом.

Дальше. Если и пелись на Дону русские песни под аккомпанемент пушечной и ружейной стрельбы, то вы хоть убейте меня, но я никогда не соглашусь с тем, что песнями этими являлись безобидные и нейтральные „Вечерний звон“, „Господу Богу помолюсь“, „Эй ханем“ и другие.

Зачем искать собаку там, где она не зарыта! Не лучше было бы, например, дать Н. Ф. Кострюкову дружеский, т. е. совет — выбросить из своего репертуара такую поистине бесцветную вещь, как „Не осенний мелкий дождичек“ в гармонизации Архангельского. Об этой вещи один мой знакомый, бельгиец, говорящий с грехом пополам по-русски, сказал:

— Это не похоже ни на бе, ни на ме, ни на кукуреку.

Что же касается песни о каких-то барабанах, тоже бесцветной в музыкальном отношении, то должен сказать, что и на меня она произвела отвратительнейшее впечатление. Да и не только для меня, а например на многих „убежденных“ русских кавалеристов. И от мотива, и от слов, и от специфически переходных подымаваний этой песни несет такой „пяхотой“, что тошно становится. Можно посоветовать Н. Ф. Кострюкову заменить и эту вещь чем-либо другим. Можно с уверенностью сказать, что любые казачьи песни с успехом заменили бы соннослезоточивый „Дождичек“ и какую-то кислотно-потную барабанщину. Кострюков — слишком хороший и чуткий музыкант, чтобы не убедиться, в конце концов, что с этими двумя вещами, хоть разорвись пополам, ничего путного не сварганишь.

Я никогда не приходил в телячий восторг от „Вечернего звона“, „Господу Богу помолимся“ и других „популярных“ вещей. Но что-же делать, если как раз именно эти вещи и пользуются везде, у всякой публики, наибольшим успехом. Эти вещи, как и серенада Абта, всегда систематически биссируются.

„Черные Гусары“ — вещь прекрасная, великолепно гармонизированная и исполняется Платовцами блестяще. Напрасно, на мой взгляд, М. Самсонов старается найти у Кострюкова какое-то специальное „воодушевление“ этой песню, т. е., во-первых, вещь эта не самая лучшая в репертуаре, а во-вторых, почему же зазорно музыканту увлечься или „воодушевиться“ хорошей вещью?

„Всколыхнулся, взволновался“, конечно, не стоило бы петь ни по-старому, ни по-новому, ни по-промежуточно, т. е. заменив слово „свобода“ словом „народ“. От этой замены и без того довольно безграмотная первая строфа нашего Гимна стала, откровенно говоря, еще безграмотней. В старой песне пелось: ... „на призыв монарха он“. Это — вполне грамотно. Когда же заменили слово „монарх“ словом „свобода“ получилась „грамматическая“ чушь. Очень трудно представить, каким это образом такая чертовски абстрактная вещь, как свобода (не подумайте дурного) может вообще призывать. Призыв со стороны реки Дона, являющейся казачьим символом, вполне возможен. Допустим бы был призыв и со стороны, например, американской статуи Свободы, являющейся тоже известного рода „ощутимым“ символом. Но просто свобода — призывать не может. Кроме того, вообще понятие „свобода“ не вяжется с понятием „послушно“. У большевиков есть другой термин: „сознательно“. Это более логично и вполне гармонирует со „свободой“.

От замены „свободы“ „народом“ получилось еще хуже. Если под Доном понимается Донское Казачество, то на призыв какого-же это народа отзывается оно? Если же „Дон“ нужно понимать здесь, как реку (символ), а народ, как Казачество, то получается полнейшая галиматья:

— Река Дон всколыхнулась и взволновалась и послушно отозвалась на призыв Казачества!

Но какой-же толк, позвольте спросить, оттого, что она всколыхнулась и взволновалась?

Кстаги, раз уже я начал говорить о Донском Гим-

не, то нужно заметить, что и третья строфа его — основательно безграмотна:

Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.

Если это река Дон (символ) сзывает своих детей, то единолично она не может „выбирать“ атамана. Какие-же это, прости Госноди, выборы, когда избирателем является одно только „лицо“! Если же Дон понимается, как Казачество (народ), то выбирать Атамана он, конечно, может, но „сзывать“ само себя он не в состоянии. Если бы поставил точку в конце первого стиха, а во втором выбросил предлог „в“ и заглавную, то при всей своей шероховатости строфа эта имела бы определенный смысл и не являлась бы простым набором слов.

Я уверен, что по возвращении в Родные Края, Войсковой Круг призовет наших поэтов для приведения нашего Гимна в более „христианский вид“.

Платовский хор не должен был бы петь Донской Гимн не потому, что первая и третья строфы его — безграмотны (в конце концов, есть ведь и музыка, помимо слов), а именно оттого что это Гимн. Как должен чувствовать себя казак, если во время исполнения его Гимна вся публика сидит, а после исполнения раздвигаются аплодисменты? Да еще и жиденькие при этом, т. е. в обыкновенном концертном исполнении Гимн наш, конечно, мало эффектен для иностранной публики.

Когда в Египте хор Донского кадетского корпуса давал публичные концерты, то начинал всегда с исполнения Донского Гимна. Но там на всех концертах присутствовал бравый дирижер корпуса, который при первых же звуках Гимна демонстративно вскакивал и не менее демонстративно „звякал“ шпорами, выбрав предварительно „видное“ место. Публика следовала его примеру.

Я не знаю, вставала-ли публика в Праге. Если да, то это меня не удивило бы, т. е. там много казаков. Здесь же, в Брюсселе, казаков — как кот наплакал, а потому из демонстративного вставания все равно ничего бы не получилось. Тем более, что и имеющиеся казаки, как и все беженцы, обретались на галерке.

Несколько лет тому назад, в Европе подвизался очень приличный балалаечный оркестр Зверкова. Так вот в летучках и программах этого самого оркестра было сказано:

— Цель нашего турне — доказать, что играя и на таких казалась бы рудиментарных инструментах, как балалайки, можно дать прекрасный музыкальный ансамбль.

Такая „декларация“, разумеется, вызывает улыбку и слова:

— Да и здорово-же брешут ребята!

Цель платовского хора — это прежде всего заработать кое-что, чтобы не положить зубы на полку. Пусть кто-нибудь скажет мне, что забота прежде всего о насущном хлебе является вещью зазорной.

Для того-же, чтобы заработать, Кострюков должен считаться со вкусами публики, т. е. выступать с хорошей репертуарной программой. Пока Кострюков был в Чехии, то, может быть, для успеха ему совершенно достаточна была „экспрессия“. Предприняв же турне по Европе, избалованной уже неподражаемыми Жаровцами, Кострюков, очевидно, сообразил, что на одной „экспрессии“ далеко не уедешь, а посему и включил в свой репертуар неказачьи песни, пользующиеся большим успехом.

Не нужно ни на одну минуту забывать того, что и Жаровцы и Платовцы, „делая свои собственные дела“, создают и добрую славу Казачеству. Я бы очень хотел посмотреть на профиль того человека, который осмелился бы не признать того, что, в смысле поднятия казачьего престижа здесь, за границей, казачьи хоры сделали несравненно больше, чем наши политические деятели, например.

Совершенно, на мой взгляд, неважно, что именно поют Платовцы. Важно другое: во-первых, то, что они

вообще поют, не распыляясь, как большинство русских эмигрантских организаций подобного типа; а во-вторых, — как поют Платовцы, все знают, и не с моим умением — пытаться присовокупить что-либо новое к тому, что уже неоднократно говорилось об этом хоре во всей европейской прессе.

„Для коллекции“ все же приведу мнение одного

моего знакомого, русского инженера, который, в бытность свою студентом, довольно сильно пострадал в 1905 году от казачьей плети. Он, побывав на обоих концертах Платовцев, сказал буквально следующее: — Хоть и огрели меня когда-то плетью, но поют, окаянные, здорово!

Ив. Егоров.

Хор клуба „Кубанский Сокол“ в Париже.

К казакам.

Неоднократно уже в печати помещались заметки о строящемся Храме донских калмыков-казаков в Югославии.

Казачество, с которым Калмыцкий народ на протяжении многих лет делил радости и невзгоды и славу казачью, казалось бы, должно быть особенно чутким к своим братьям-калмыкам и не остаться глухим к их призывам о пожертвовании на Хурул, строящийся в Белграде, но на самом деле оказалось иначе.

Деньги, пожертвованные раньше не пропали даром — работа кипит и дело, которое в будущем сыграет великую роль духовного, культурного и религиозного объединения калмыков-казаков, значительно подвинулось вперед.

Правление калмыцкой колонии лихорадочно делает сборы для того, чтобы успеть к зиме окончить постройку своего единственного Храма и школы для своих детей.

Скромные как всегда, обращаются калмыки, быть может в первый раз, ко всем казакам и во всевозможные места с просьбой придти им на помощь. Призывы эти часто остаются без внимания, т. к. многие из нас просто не уясняют того значения, которое будет иметь наличие калмыцкого Храма за рубежом для братьев-калмыков.

Ведь это, станичники, не казна великого князя, не какая нибудь касса для спасения русского народа от него же самого, не набивание чьих либо пустых карманов для выполнения всяческих „политических“ программ, еще живущих в эмиграции, несмотря на ряд тяжелых и горьких опытов, а — живое дело.

На казачий грош будет куплен кирпич, немного песку, черепица на крышу, и тот благородный порыв, с которым принесут все это казаки своим братьям, создаст для тех свое святое место...

Имена всех пожертвовавших казаков будут занесены на доску, как память об искренней дружбе и понимании калмыцкого народа, всегда шедшего с Казачеством плечо к плечу, стремя в стремя.

Обращаясь с этой статьей приведу некоторые сведения, быть может вызовущие удивления у многих казаков.

Пожалуй скажут: — Это не правда.

— Нет, это правда.

Пока помощь шла только от калмыков, от некоторых неказачьих организаций и только сто двадцать (120) динар от трех донских казаков.

Сумма абсолютно ничтожная...

Где же Правительство?

Где же станицы и хутора, которых около двухсот?

Где же, наконец, казаки, — славой которых калмыки гордились как своей собственной??

Все казаки, кому попадут эти строки на глаза пусть задумаются немного над сказанным и быть может, вспомнив все то, что перенес калмыцкий народ в недавнем прошлом хоть динаром доставит скромную радость калмыкам увидеть на чужбине и свой Храм и свою Школу.

Адрес: г. А. А. Алексеев, ул. Краля Александра, Циглјана Ачимовича, Белград С.Х.С. (Югославия).

Борис Кундрюцков.

Казаки в Париже.

В прошлой корреспонденции я коснулся общественной жизни казаков, и их организованности, в частности подчеркнул то, что в состав правления Кубанской станицы в Париже избраны весьма подходящие люди в смысле работоспособности, которые не жалеют сна для работы на пользу казачества.

Организованный станицей несколько месяцев тому назад хор, поет прекрасно. Этот хор уже получил „божье крещение“ и выступил на кубанском концерт-вечеринке 14 августа. Труды положенные для организации, как самого хора, так и вечеринки не пропали даром. Концерт-вечеринка прошла с огромным успехом. Казаки-парижане еще не помнят, чтобы с таким успехом проходили концерты устраиваемые любителями. Регенту хора порой приходится очень трудно, т. к. нет возможности найти нот хороших, музыкальных казачьих песен. С большим искусством исполняются казачьи песни: „Ой гук, мати, — гук“, а так же „уж ты поле мое“, последняя особенно хорошо; слушая эти милые родные казачьи напевы, закроешь на минуту глаза, и думаешь, что это не в Париже, что песня разливается по широкому простору родного края, но апло-

дисменты, которыми хор по достоинству награждается, выводят из состояния полузабыть и вводят в действительность. Увы, это в Париже. Это культурное начинание станицы крепнет, и через 10 дней состоится вторая вечеринка, которая обещает быть более интересной. Так как пословица говорит, что „цыплаг по осени считают“, то я в другой раз напишу о предстоящей вечеринке.

Когда смотришь на хлопоты и старания отдельных казаков, то порой задаешь себе вопрос: откуда у них энергия? ведь не следует забывать, что каждый занят 9—10 час. в сутки работой у станка, а остальное время занят делом чисто казачьим. По устройству вечеринки 14 августа много трудов и энергии затратили, как Атаман станицы Перегордиев, так и другие члены правления, а особенно можно отметить: Глазкова, Ковалева, Копынова и др. Регент хора достаточно потрудился, да трудится и теперь над выучкой хора.

Один из „Кинематографических“ казачьих хоров под упр. донского казака Дуршавкина (четвертый справа).

Помимо основного занятия казаков в Париже, а именно: работа на фабриках и заводах, отдельные лица занимаются всевозможными профессиями и ремеслами.

Гоголь в своей повести „Тарас Бульба“ говорит: „нет ремесла, которого не знал бы казак“, так и здесь; встречаются и шоферы, и парикмахеры, и сапожники, и танцоры, и музыканты, и певцы, и еще Бог знает каких только нет „спецов“. Больше всего и лучше всего казаки преуспевают в пении. Есть несколько небольших „хориков“, по 6—8 человек. Поют эти маленькие хоры обычно по кинематографам...

Недавно мне удалось послушать один из таких „хориков“. Я по репертуару угадал, что поют казаки. Познакомился с регентом, порасспросил. Регент оказался донской казак, Дурнявкин. Хорик его состоит из 8 человек, подобранных голосов, т. е. не в количестве, а в качестве голосов цена хора; оно и резонно; 8 хороших голосов — стоят 16—20 слабых. Вот репертуар, или вернее несколько песен, которые я прослушал: „Свиснув, крикнув на коня“, „Березка“, „Платов“, „Дівка в сніях стояла“, „Гандзя“, „Ты кормилец наш Дон Иванович“ и друг.

Благодаря тому, что есть такие „качественные ценности“ как „хорик“ Дуршавкина, есть возможность на миг забыть жестокою действительностью и отдохнуть душою, слушая мелодичные напевы казачьих песен. Г. Дуршавкин и другие являются хранителями казачьих песен; слава вам, братья, за ваши труды. Сохраняйте в чистоте казачью песню. Еще Шевченко сказал: „Наша пісня, наша думка не вмере, не загине...“

Еф. Якименко.

8-X-29 г.

Калмыки в эмиграции.

Вместе с русской эмиграцией за границу прибыли и калмыки, природные скотоводы и отчасти земледельцы, населявшие широкие, юговосточные степи бассейна Дона и низовья Волги.

Очутившись в чисто земледельческих странах, Бол-

гарни и Сербии, и индустриальной Франции, калмыки не растерялись, не пали духом, подобно русской эмиграции, в особенности ее интеллигенции. Калмыки обращались за подачками и пособиями, подобно последним, а засучили рукава и взялись за тяжелый, но честный труд, хотя и со скудной оплатой. Они работали с 1920 года на постройках домов, шоссе, мощении улиц со своими подводами, а женщины калмычки шли на швейных машинах для интенданства.

Все русские эмигрантские организации в С. Х. С., как-то: Державная Комиссия, Земский Союз и др., смотря на дружную организацию и жизнь калмыков, ставили их в пример другим.

Так было до 1928 года, когда послевоенная строительная горячка в Сербии и Болгарии очень сократилась. Дороги и дома были выстроены и улицы какие нужно замощены, калмыки потянулись во Францию на заводы, где их теперь большинство из всей калмыцкой эмиграции.

Но, фабрично-городские условия жизни и работы для калмыка-степняка и скотовода убийственно действуют на здоровье. Кроме того, деморализующе действует современный город запада с ее „цивилизацией“ и со всеми ее пагубными пороками; за этим придут процессы физического вырождения, деморализации и денационализации, замечаемые и сейчас.

Я, как врач, глубоко убежден в наступлении этих процессов для калмыцкой эмиграции и с 1927 г. не покидает меня мысль об искании случая массового исхода всех калмыков-эмигрантов.

По своей инициативе я сношусь с властями Монголии о возможности переселения калмыков эмигрантов в Джунгарию, откуда триста лет тому назад прикочевали мы на юго-восток России, но отсутствие средств у них и у нас препятствует этому благому для калмыков делу.

Среди своего же народа в родных условиях быта калмыки эмигранты чувствовали бы себя как дома, но не удастся нам осуществить эту мечту.

Теперь возникла возможность другого исхода для нас. Это вопрос о переселении в Перу, вместе с нашими братьями казаками. Условия для этого самые лучшие. Калмыки там очутились бы в более здоровых и близких нашему духу условиях, чем в капиталистической Европе.

Привольные степи с тучными пастбищами для скотовода, глубокий девственный чернозем с южно-американскими дорогими злаками, „страна вечной весны“ — долина Апуримака. Перу манит и зовет нас, уставших бороться с жизнью в тяжелых и чужих условиях Запада.

Если нельзя в Монголию, то в Перу калмыки спасутся от их морального и физического вырождения. Призываю всех калмыков осознать это и пока не поздно переселиться в Перу. Это для калмыков не так страшно, как оседлому европейцу.

Если калмыки 300 лет тому назад сумели перекочевать за 6 месяцев на своих подводах из Монголии и в Приволжские степи, то на пароходе и по железной дороге переехать в Перу и то на казенный счет не представляет никакой трудности.

Терять нам здесь нечего. Сильных духом и здоровых телом зову искать счастья за океаном.

Д-р Эрнджен Хара-Даван.

Сербия.

Замість відповіді одному із чужих.

В одному із останніх чисел Парижського „Трибуна“ (13 жовтня, число 41) п. Сулятицький в статті своїй про „Українізацію на Кубані“ зачепив і редактора „В. К.“ Білого.

Я не маю ніякого наміру сперечатись з п. Сулятицьким, але для тих, хто читає „Трибуна“ можу зазначити наступне: Між тим, апостолом чого є редактор „В. К.“, і тим що станиця Ольгинська читає газети на українській мові, немає ніяких протирічч. Я цілком задоволений „відповіддю життя“ бо то ж по мойй ініціативі і майже на 50% за мою фінансовою допомо-

гою в осени 1918 року станиця Ольгинська перевела „українізацію“ своїх шкіл. Тому вона і уміє читати зараз на своїй рідній мові.

Але це ніяк не заперечує і тому, щоби була Козача Держава, як про це бореться В. К.

Гн. Білий.

Еще казачья книга.

Печатается книга Бориса Кундрюцкова: „Казак Иван Ильич Гаморкин“. Бесхитростные заметки о нем, кума его, Кондрата Евграфовича Кудрявова. Том 1-ый.

Книга представляет из себя целый ряд эпизодов, в которых наглядно описываются события — японской войны, революции 1905 года, германской и гражданской войн, как они преломились в психике простого казака Ивана Ильича.

Книга, как рисующая тип казака, несомненно должна вызвать к себе интерес у казачьей общественности и рядового казачества.

Стоимость ее — в С. Х. С. — 25 динар, 17 ч. кр., 1/2 доллара. За пересылку не платят. Книготорговцам обычная скидка.

В Казачьих Землях.

Плантация роз на Кубани.

Родиной розового масла считается Персия и поэтому у многих людей с розовой плантацией и розовым маслом связано представление о чем то южном, экзотическом: Индии, Египте или, по крайней мере, юге Франции (Ницца). О возможности иметь у нас, на Кубани, плантацию роз и даже завод для выделки из лепестков роз масла и розовой воды, кажется никто не подозревал. Настолько мы слабо еще изучили свой весьма обширный Кубанский Край!

По своим размерам Кубань с Черноморской губ. в 1918 г. составляла 103.246 кв. километров, (Португалия 91.948 к. к., Швейцария 41.298 к. к., Голландия 34.186 к. к. и Бельгия 29.452 к. кил.). Как видно из этих цифр, Кубань больше целого ряда государств и величайшей своей территории превосходит почти в четыре раза промышленную Бельгию.

На таком обширном (по сравнению с Западно-Европейскими государствами) пространстве, почвы, конечно, весьма разнообразны. Нашлись и на Кубани почвы, подходящие для разведения плантации роз. Для своей культуры розы не требуют особо мягкого климата, хотя на юге удаются лучше. В Болгарии климат весьма немногим отличается от Кубанского, но тем не менее там развилась особая сельскохозяйственная промышленность, розовые плантации и добывание розового масла и воды. Экспорт 150 селениями этих „продуктов“ роз занимает в бюджете страны одно из видных мест.

Розовое масло очень ходкий товар, высоко расценивается на рынке, спрос на него все возрастает. Фунт хорошего натурального розового масла стоил до Великой войны около 1000 рублей золотом и продавалось, конечно, не вагонами, а буквально „по каплям“. Такая высокая стоимость этого драгоценного нектара отчасти объясняется вообще недостатком его без примесей, не фальсифицированного на рынке. Розы уничтожаются для получения розового масла чудовищно. По словам агрономов специалистов с одной десятины густо засаженных роз, в течение сезона едва удается получить фунт розового масла!

Отдельные попытки разводить розы для приготовления из их лепестков варенья и щербета велись уже давно на Кубани. Этим занимались люди, побывавшие в Болгарии во время русско-турецкой войны в знаменитой казанлыкской „Долине роз“, откуда они и привезли корни различных роз. Варенье и щербет приготавливались, главным образом, для своих семейств и знакомых и, понятно какого либо коммерческого значения иметь не могли.

В 1897 г. взялся за дело известный кубановед М. О. Поночевный и засадил целую десятину роз возле станицы Раевской. Здешние почвы оказались весьма благоприятными для культуры этого рода. Слава о белой казанлыкской розе (т. н. роза алла Крепин) Поночевного далеко разошлась за пределами Кубани. Возле плантации был построен небольшой завод для добывания из лепестков роз розовой воды и масла. На первом Кубанском „заводике“ получалось ежегодно около 80 золотников (больше четверти кила) розового масла на сумму 800 рублей и тринадцать ведер розовой воды на

сумму 135 рублей, не считая продажи станичникам ряда кустов роз и других мелких доходов.

В настоящее время известно несколько способов получения из лепестков роз масла и воды. Каким способом, получалось масло у Поночевного, неизвестно, так как он весьма ревниво относился к попыткам узнать тайны производства его завода. Известно только, что завод не был оборудован современными дорогими стоящими машинами и аппаратами, а выделка масла происходила весьма не дорого и хорошо. Некоторые аптекари говорили, что Кубанское розовое масло по чистоте и аромату, даже превосходит заграничное, в особенности болгарское. Кубанское розовое масло охотно раскупалось на месте, в станице Раевской. Его приобретали аптеки, кондитерские, парфюмерные магазины и склады, а главным образом, греки-перекупщики для экспорта его в Турцию и другие страны Востока. Насколько чувствовался в довоенное время недостаток на рынке розового масла, видно хотя бы из того что еще зимой, до фабрикации масла, к владельцу плантации приезжали скупщики его. Они предлагали задатки и были готовы уплатить полностью за то масло, которое будет чуть ли не через год готово. Великая война 1914 — 1918 г. помешала процветанию и дальнейшему развитию розовой плантации до четырех десятин, как предполагал сделать ее владелец.

Кровавая борьба казачества с красной Москвой за свои родимые края, печально отразилась на судьбе плантации и завода. В 1919 году Кубанский завод розового масла, которым Кубань может гордиться, как единственным в своем роде, был варварски уничтожен. Дело в том, что на территории плантации стояла построена казачья Добровольческая батарея. Не смотря на ряд просьб пощадить плантацию и не трогать роз, солдаты с их лошадьми превратили плантацию в гладко выбитое место.

Только через пять лет, в 1924 г. начались работы по восстановлению плантации белой казанлыкской розы. В результате длительных и весьма трудных, дорого стоящих работ (работали опытные садовники) удалось откопать и „спасти“ около 1.000 корней. Спасенные корни были высажены на полудесятичном участке. Но так как роза алла Крепин цветет только на второй год по высадке, то возобновление выделки розового масла можно было ожидать не ранее 1926 г. По сведению „Северо-Кавказской Кооперации“ розового масла получено с плантации в ст. Раевской в 1926 и 1927 г. по 100 гр. Далее С. К. Кооперация сообщает, что В.С.Н.Х. решено увеличить плантацию роз до 100 десятин, организовав грандиозный колхоз „Гигант“ и выдвигать ежегодно 50 литров розового масла на общую сумму свыше 150 тысяч рублей. Что выйдет из этой большевицкой затеи, покажет нам ближайшее будущее...

Помимо коммерческого значения плантации роз (ее владелец получал раньше около 1.000 рублей чистого дохода с одной десятины), в сельско-хозяйственном отношении она представляет выдающийся интерес, так как является единственной попыткой этого рода во всем обширном Юго-Восточном Крае бывшей Российской Империи.

При экономическом восстановлении Кубанского Края, на разведение розовых плантаций должно быть

обращено соответствующее внимание. Плантации роз дают хороший доход (около 1 т. рублей с десятины), требуют сравнительно небольших первоначальных затрат и приносят доход на 1-й и 2-й год своей посадки. Подобно Болгарии, наш роскошный Край имеет все данные для развития у себя этой весьма выгодной с. х. промышленности.

О. Батурин.

По „Северо-Кавказскому Краю“.

„Рычаги воздействия“.

Раз'ездной корреспондент „Экон. Жизни“ (8 октября) Зацепин с похвалой пишет о „рычагах воздействия“, которыми соввласть принуждает казачество сдавать хлеб советским барам. Зацепин пишет свою статью на основании личной поездки в Армавирский округ. Фактическая сторона его сообщений весьма красноречива: там где с казаками — несдавшими хлеб для семенного фонда — поступают решительно, где описывают и продают имущество (продают фактически, а не только угрожают), где лишают казаков земельного надела (лишают фактически, а не только угрожают), там семфонд поступает куда более исправно. Зацепин видел те и другие примеры описи, продажи и лишения земли в станицах Новокубанской и Прочноокопской. „Решительно поступают с несдатчиками семфонда на Кубани“ — восхищается Зацепин. В стан. Старо-Михайловской, Темиргоевской окружной центр распорядился не отпускать товаров из кооператива всем не сдавшим семфонда. Такой же случай был и в станице Курганной, где совет распорядился отпускать из кооперации товар только по предъявлении квитанции о сдаче семенного фонда. Требование это предъявляется даже по отношению неимеющих посева. Один совчиновник Ванновского сел.-хоз. т-ва так объяснял хлеборобам, жаловавшимся на тяжесть внесения семфонда в срок: — Вы хоть подышайте, а семенной фонд давайте. Вот вам весь мой сказ.

Колхозы подкачали.

Из Майкопа „Эк. Жизнь“ (8 октября) сообщает о полной неподготовленности коллективных хозяйств к осеннему севу. Причина?

Майкопский колхозсоюз не знал о том, что творится на местах. — Мы даже сводок не получали, откровенно сообщают в колхозсоюзе.

Но самое главное: — от колхозцентра (из белокаменной Москвы) ждали „новых форм донесений“

Но еще лучшие сведения о „горячо любимых“ соввластью колхозах сообщают „Известия“ (6 октября): многие колхозы сдачу хлеба затягивают, а многие решили вопрос еще проще и прямее: продали свой хлеб частным скупщикам.

В Усть-Лабе привлечено к судебной ответственности 7 колхозов за задержку хлебных излишков. В станице Брюховецкой за несдачу привлечено тоже семь колхозов, между ними и носящие такие поэтические названия: „За октябрь“, „Путь социализма“ и „Революционный Путь“, „Красный клин“ и даже ... „Красное зерно“. „Известия“ хнычут о том, что вот государство все давало колхозам: и тракторы и молотилки и прочий инвентарь, а когда дело дошло до продажи хлебных излишков, то на общем собрании членов колхоза решает: „продать хлеб на вольный рынок“.

Награбленное добро впрок не пойдет.

Хлеб, который соввласть выкачала из казачьих земель, большей частью застрянет до весны в баржах на „матушке Волге“, а что после ледохода с ним будет — неизвестно. „Экон. Жизнь“, 3 октября, пишет буквально следующее: „чрезвычайно тревожное положение образовалось с перевалкой через Сталинград (Царицын) северо-кавказского хлеба. Требуется перевалить 9—10 тыс. вагонов, а перевалено только 3 тысячи. Впереди скверные перспективы. Навигация закончится на Волге в верховьях к середине октября и едва ли к этому времени успеют справиться с перевалкой хлеба.“

Первый тормоз — нет тары. — Тара нужна нам крайне, но где „бродят“ вагоны с заказанной тарой, мы понятия не имеем, — договаривают в чрезвычайной комиссии по перевалке хлеба.

До сих пор нет вагонов с тарой, заказанной еще в начале сентября в Твери, Рязани и Москве. На все телеграммы по этому поводу идет ответ „отгружены“, а где груз — никто не знает. Отгружена ли тара вообще?

Ростовский Союзхлеб имеет свои запасы тары, но дать их под хлеб не решается, боится остаться без запасов.

Второй тормоз — неувязки между железными дорогами и водным транспортом.

Недостает грузчиков. Поздно спохватились и сейчас нанимают неквалифицированных грузчиков вплоть до шестнадцати летних барышень с биржи труда.

Плохо дело: не только барышни неквалифицированы, но и баржи ни к чорту не годны — есть случаи подачи заведомо плохих, дырявых баржей.

В том же номере газеты находим сообщение о том, что в правительственной комиссии по ликвидации затруднений в транспорте было констатировано, что в большинстве районов Сев. Кавказа хлеб пока не обеспечен складочными помещениями.

А вот что происходит в Сталинграде — пункте через который суждено следовать „хлебным излишкам“ Казачьих Земель: „Экон. Жизнь“, 22 сентября, пишет о том, что то, что сейчас происходит в Сталинграде — совершенно напоминает времена 1918-20 г. г., когда была невероятная транспортная разруха. Организации присылают своих представителей и те с мандатами, угрозами, арестом и пр. достают определенное количество вагонов и гонят их по назначению. Это называется „выходить из положения“. Правда все это касается грузов строительных. С продовольственными дело обстоит несколько иначе — служащие наркомпути сообщения ни про какие „темпы“ хлебных переборок, „мандаты“ и предписания слушать не хотят. Местные работники путей сообщения по этому поводу выставляют свои „долоды“. На Калаче, Сурочкино и др. станциях говорят:

— „Крытых вагонов нет под хлеб“.

С других станций вопят:

— „Нет грузчиков для хлеба“.

С перевозкой по Волге — та же картина. Транзитные пароходы берут этого груза совсем мало. Бывали случаи прямого отказа принимать хлеб на пароходы.

С мест без конца несутся вопли заготовителей, что огромные грузы хлеба лежат под открытым небом и зачастую мокнули под дождем. По мнению железнодорожников:

„Хлеб — это подождет... на очередь“.

„Известия“ 11 октября печатают из Ростова телеграмму о том, что всюду образовались пробки и заторы: в Сталинграде сотни вагонов ждут перегрузки на воду. Прием хлебных грузов в Сталинградском направлении по сему случаю прекращен. Другая пробка на Каспии — в порту Махач-Калэ. Причина — недостаток тоннажа в Каспийском море. Большие заторы груза получились также в Туапсе. Весьма неблагоприятно обстоит также дело с перевозкой хлеба по реке Дону. Лучше всего объясняет всю эту советскую неразбериху и кавардак, тут же рядом помещенная в газете, телефотограмма из Нижнего, начинающаяся такой фразой: „хлынувшая с юга хлебная волна застигла госпароходство совершенно неподготовленным. Оно сейчас оказалось застигнутым врасплох“. Трудно сказать, бываю ли когданибудь советские Сквозник-Дмухановские не застигнуты врасплох? Повидимому, нет.

Колхозы или кулакхозы? „Проснись народ!“

Колхозы обманули соввласть в лучших чувствах: не нашли возможным отдать ей свои хлебные излишки. Совпечатать по сему случаю рвет и мечет. „Экон. Жизнь“, 21 сентября, с надрывом спрашивает себя: да что же это такое, наконец? Колхозы ли это? Или, может быть,

кулакхозы? Не дурно пущенный каламбур! Кстати, на Кубани объявился колхоз с крамольным названием, не дающим покоя совпресе: „Проснись народ!“ „Экон. Ж.“, 21 сентября, с мрачным раздражением пишет: „в станице Дмитриевской, Армавирского округа, секретарь местной ком'ячейки явился организатором колхоза под весьма симпатичным названием „Проснись народ!“, в состав которого вошли исключительно одни кулаки“. Вот вам и секретарь местной ком'ячейки! „Известия“, 9 октября, сообщают, что в ст. Д. есть такой товарищ Гоношенко, комсомолец, считающий себя стопроцентным большевиком. Всем хорош тов. Гоношенко: „ни в каких уклонах он себя не подозревает. На его взгляд — он верный и преданный солдат партии и комсомола. Членские взносы он платит во-время, с нагрузкой справляется, аккуратно посещает собрания ячейки, всегда голосуя за резолюции, осуждающие разные уклоны. Все бы в порядке, если бы не хлебозаготовки. На собраниях граждан станицы Гоношенко неожиданно выступает с блестящей речью по вопросу о хлебозаготов-

ках: — советская власть обижает хлеборобов, требует продажи всех излишков хлеба государству. Мы это-го не хотим. „Кто это „мы“ в устах товарища Гоношенка?“ спрашивает в панике „Экон. Жизнь“. Неужели это „мы — комсомольцы, партийцы, середняки, бедняки?“

Повидимому, да: комсомольцы, даже комсомольцы. Несколькими строками ниже газета спрашивает: единичен ли Гоношенко? Ответ:

„Ряд комсомольских ячеек Брюховецкого района (Кубань) стоит в стороне от хлебозаготовок, считая, что это не их дело. Когда под носом у комсомольцев станицы Хутунка хлеб скупается спекулянтами, они мирно ковыряют в носу. Попробуйте убедить их в недопустимости этого. В ответ вы услышите:

— При чем тут мы? „И в самом деле, при чем тут комсомольцы, когда вся северская ячейка (Сев. Кавказ) убеждена, что хлебозаготовки — дело одной лишь кооперации“.

Вот вам и комсомольцы и ячейки.

Печатается календарь „Вольного Казачества -- Вильного Козацтва“ на 1930 год.

Розыски.

Лиц, знающих адреса казаков-джигитов: Апанасенко, Провоторова и Шереметьева (тер.) просят сообщить таковые в ред. „В. К.“

И. Е. Синятников розыскивает своего сына, б. кадета Донского корпуса, побывавшего в Египте, Турции, а в последнее время жившего во Франции (Виши). Сообщать по адресу: Томашевац, Banat, Jugoslavia.

Лиц, знающих адрес находящегося в Болгарии кубанца, члена Рады, Константина Ивановича Белкина, просят сообщить таковой в редакцию „В. К.“

Новый адрес редакции „В. К.“

С ноября месяца редакция „В. К.“ переходит в другое помещение. Новый адрес будет: Praha-Vinohrady, Radhoštská 9.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povozokky et Cie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Открыта подписка на двухнедельный журнал литературный и политический „ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0.75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

ТУРКМЕНИ

Шубилов - Азиатские воеводы - 1919

АСТРАХАНЬ

КУБАНЬ

ТЕРЕК

ГОРНЫЕ

УРАЛЬСКОЕ ВОЙСКО (ЯИК)

АСТРАХАНСКОЕ ВОЙСКО

КАМЫШАНСКОЕ ВОЙСКО

ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЙСКО

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

КАВКАЗСКОЕ ВОЙСКО

ТАТАРСТВО

РОСТОВ

НОВОЧЕРКАССК

МАРИУПОЛЬ

ЕЙСК

СТАВРОПОЛЬ

КАТЕРИНОДАР

КРЫМ

КАВКАЗСКОЕ ВОЙСКО

НОВОРОССИЙСК

ТУАЛСЕ

МОЗДОК

ВЛАДИКАВКАЗ

ПЕТРОЗАВОДСК

ЦАРИЦЫН

ВОЛГА

АСТРАХАНЬ

АКТЮБИНСК

УРАЛЬСК

ОРЕНБУРГ

ТУРЬЕВ

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

АКШУКАТ

АЛЕКСАНДРОВСК